

1905.

X628.112.014

Извлечено изъ Вѣстника Права за Январь, Февраль и Май 1904 года.

8 338.

3535.

Настоящая работа представляет изъ себя напечатанную въ 1904 году въ „Вѣстникѣ Права“ часть доклада, прочитаннаго 15 ноября 1903 года въ уголовномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго юридическаго общества ¹⁾. Не имѣя возможности въ настоящее время закончить работу и вынужденный вмѣстѣ съ тѣмъ освободить шрифтъ, авторъ позволяетъ себѣ разбить работу эту на два выпуска въ надеждѣ, что появленіе второго выпуска не замедлитъ. Послѣдній будетъ посвященъ главнымъ образомъ догматическому анализу преступленія бродяжества ^{во} въ дѣйствующему и новому уголовнымъ уложеніямъ.

М. Боровитиновъ.

25 Марта 1905 года.

¹⁾ См. отчетъ въ „Правѣ“ 1903 г., № 51, стр. 2918—2923.

Слбг

На страницахъ „Вѣстника Права“ за 1903 годъ (май—іюнь) помѣщена статья „Наше законодательство о бродяжничествѣ“ г. Якоби. Статья эта любопытна тѣмъ, что авторъ ея, желая сравнить постановку бродяжества въ дѣйствующемъ правѣ и новомъ уголовномъ уложеніи, принимаетъ за Высочайше утвержденный текстъ новаго уложенія проектъ Редакціонной Коммисіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ 1895 году въ Министерство Юстиціи. Между тѣмъ постановленія проекта Редакціонной Коммисіи, касавшіяся бродяжества, уже въ Министерствѣ Юстиціи подверглись существенной переработкѣ, затѣмъ были вновь измѣнены образованнымъ при Государственномъ Совѣтѣ для разсмотрѣнія проекта Особымъ Совѣщаніемъ и въ редакціи этого послѣдняго перешли въ получившій законодательную санкцію текстъ новаго уголовного уложенія. Во время разсмотрѣнія уложенія Государственнымъ Совѣтомъ проступокъ, именовавшійся „бродяжествомъ“ Редакціонной Коммисіей, получилъ терминъ „праздношатайства“. „Бродяжествомъ“ въ новомъ уголовномъ уложеніи названо дѣяніе, криминализація котораго совершенно не входила въ предположенія Редакціонной Коммисіи, дѣяніе, хотя и не вполне совпадающее, но во многомъ напоминающее бродяжество дѣйствующаго права.

Предоставляя самимъ читателямъ отвѣтить на вопросъ, насколько работа г. Якоби при этихъ условіяхъ можетъ удовлетворять своему назначенію, мы не можемъ не признать, однако, въ то же время, что авторомъ ея очень удачно выбрана тема. Сравненіе законоположеній о бродяжествѣ дѣйствующаго и новаго уголовныхъ уложеній предста-

вляется тѣмъ болѣе своевременнымъ, что, несмотря на то, что о бродягахъ и бродяжествѣ за послѣдніе два десятка лѣтъ и говорилось и писалось у насъ довольно много¹⁾, дѣйствующее законодательство о бродяжествѣ далеко не можетъ считаться достаточно разработаннымъ въ литературѣ. Въ свою очередь, постановленія о бродяжествѣ новаго уголовного уложенія вызываютъ такъ много сомнѣній, что было бы крайне важно остановиться на нихъ и подвергнуть ихъ подробному анализу, прежде чѣмъ они превратятся въ дѣйствующій законъ.

Предполагая въ настоящей работѣ представить нѣкоторые данныя, могущія послужить матерьяломъ къ выполнению указанныхъ задачъ, мы считаемъ долгомъ оговориться, что, вопреки установившемуся обычаю, мы признаемъ излишнимъ, говоря о бродяжествѣ по русскому законодательству, касаться въ какой бы то ни было мѣрѣ понятія бродяжества по западно-европейскому праву. Бродяжество русскаго права и иностранныхъ кодексовъ—два совершенно различныхъ преступленія. Проступокъ, извѣстный подъ названіемъ „бродяжества“ въ государствахъ западной Европы, дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ совершенно не предусматривается; въ новомъ уголовномъ уложеніи понятіямъ *vagabondage*, *Landstreicherei*, *vagrancy* французскаго, нѣмецкаго и англійскаго права соответствуетъ понятіе не бродяжества, а „*праздношатайства*“ (ст. 274)²⁾.

¹⁾ Муравьевъ, Бродяги и бродяжество. „Изъ прошлой дѣятельности“, т. I; Лякубъ, Къ вопросу о бродягахъ. Журн. гражд. и угол. пр. 1882 г., кн. 8; Селивановъ, Бродяги, праздношатающиеся и нищіе. Тамъ же, 1884 г., кн. 3 и 4; Н. С., Бродяги и бродяжничество. Тюрем. Вѣст. 1893 г., кн. 3; Набоковъ, Нищенство и бродяжество, какъ наказуемые проступки. Жур. Юрид. Общ. 1895 г., кн. 3; Дворжицкій, Бродяги и законъ. Тамъ же, 1896 г., кн. 4; Жижиленко, Нищенство и бродяжество передъ уголовнымъ закономъ. Жур. Мин. Юст. 1898 г., кн. 7; Дриль, Борьба съ бродяжествомъ и нищенствомъ. Труд. Помощь 1898 г., кн. 9; Вл. Сл., О возобновленіи уголовныхъ дѣлъ о бродягахъ, Вѣст. Права 1900 г., кн. 10; Боровитиновъ, Бродяжество—Слов. юрид. и госуд. наукъ, т. I; его-же, Бѣгле, тамъ же; Якоби, Наше законодательство о бродяжествѣ. Вѣст. Права, 1903 г., кн. 5—6; Протоколы засѣданій уголовного отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества: 25 ноября 1894 года (Журн. юрид. общ. 1896 г., кн. 4), 21 февраля 1898 года (Журн. юрид. общ. 1898 г., кн. 5) и 6 апрѣля 1899 года (Вѣст. Пр., 1900 г., кн. 2).

²⁾ Лишь, интересующихся постановкою вопроса о борьбѣ съ бродяжествомъ на западѣ, отсылаемъ къ указаннымъ работамъ гг. Набокова, Жижиленко и Дриля, къ докладамъ, представленнымъ Парижскому пенитенціарному конгрессу, и среди нихъ, въ особенности, къ обстоятельному совмѣстному докладу гг. Dreyfus'a, L. Rivière'a и Drioux, а также къ слѣдующимъ монографіямъ и статьямъ: Stiel-

I.

Въ качествѣ состоянія, угрожающаго опасностью правопорядку, бродяжество начинаетъ обращать на себя вниманіе законодателя во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху переживавшихся Московскимъ государствомъ внутреннихъ смуть. Послѣдовавшимъ въ концѣ XVI вѣка закрѣпощеніемъ крестьянъ было положено начало существованію класса людей, лишенныхъ права свободного передвиженія; крестьяне и холопы, оставлявшіе, вопреки запрещенію, владѣльцевъ, получаютъ мало по малу наименованіе *бѣглыхъ*. Мѣры, принимавшіяся правительствомъ противъ бѣглыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка, исключительной цѣлью своей имѣли охрану крѣпостнаго права; правительство вело борьбу съ бѣглыми, но вело только потому, что отъ побѣговъ крестьянъ страдали интересы помѣщиковъ и вотчинниковъ, что укрывательствомъ и пріемомъ бѣглыхъ нарушались права ихъ законныхъ владѣльцевъ. Во второй половинѣ XVII вѣка указанный характеръ борьбы начинаетъ существенно измѣняться; непрерывныя смуты Московскаго государства показали правительству, съ какимъ грознымъ врагомъ встрѣтились едва слагавшіяся начала общественного порядка въ лицѣ массы праздношатающихся, „гулящихъ людей“. Въ указахъ государей конца XVII вѣка воеводамъ постоянно предписывается „смотреть накрѣпко, чтобы ни въ которомъ городѣ воеводства не было гулящихъ бездѣльныхъ людей, напрасныхъ шатуновъ“. Требованіе это правительство мотивируетъ тѣмъ, что „у такихъ бродящихъ людей чѣмъ питаться ничего нѣтъ, хлѣба вседневнаго требуютъ, а работать не хотятъ, и самая нужда принуждаетъ ихъ воровать и своимъ злодѣйствомъ добрымъ людямъ только всякое озлобленіе, разореніе, убивства чинить“ ¹⁾. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда

ling, Über das Umherzieher, als Landstreicher. 1891.—Bertsch, Über Landstreichelei und Bettel. 1894.—v. Hippel, Die strafrechtliche Bekämpfung von Bettel, Landstreichelei und Arbeitsscheu. 1895.—Landsberg, Bettelei, Landstreichelei, Armenpflege. 1896.—Пржевальскій, Борьба съ бродяжничествомъ и нищенствомъ въ современной Бельгіи. Труд. Помощь 1897 г., кн. 2.—Бар. Буксгевденъ, Мѣры противъ нищихъ и бродягъ въ Бельгіи. Тюремн. Вѣст. 1898 г., кн. 9 и 10.

¹⁾ Для предупрежденія развитія бродяжества законодателемъ въ концѣ XVII вѣка были установлены, между прочимъ, *произвѣсія грамоты*—прототипъ позднѣйшихъ паспортовъ,—безъ которыхъ никто не долженъ былъ пропускаться за заставу; на воеводѣ было возложено строгое наблюденіе за непроживательствомъ въ воеводствахъ неизвѣстныхъ, прохожихъ, безыначныхъ людей. Каждое новое лицо, прибывшее въ городъ, воевода долженъ былъ призвать къ себѣ и

праздношатающіеся оказываются людьми свободными, неприкрѣпленными къ определенной мѣстности и лицу, воеводы должны „съ нуждою заставлятъ ихъ работать“ [1698 ноября 12 (1654) п. 18; ноября 22 (1655) п. 5]. Въ качествѣ общаго правила, однако, бродящіе люди Московскаго государства были люди несвободные, „бѣглые“, почему и мѣропріятія противъ праздношатающихся въ исторіи нашего права не развиваются въ самостоятельную систему, сливаются съ мѣропріятіями противъ „бѣглыхъ“. Руководящимъ принципомъ въ борьбѣ правительства съ бѣглыми было возвращеніе бѣглыхъ ихъ законнымъ собственникамъ; отступленія отъ этого начала допускались только въ рѣдкихъ случаяхъ, при крайней нуждѣ государства въ рабочихъ рукахъ [см., напр.: 1722 іюл. 18 (4055)]. Но для того, чтобы бѣглый могъ быть возвращенъ, онъ долженъ былъ назвать своего хозяина, а между тѣмъ находились бѣглые, которые даже подъ пыткой „не сказывались, чьи они“. Вотъ въ этихъ то бѣглыхъ, нежелавшихъ дать о себѣ „подлиннаго свидѣтельства“, и лежитъ зародышъ настоящаго „бродячества“,—бродячества, которое пережило крѣпостное право, съ которымъ и понынѣ борется уголовный законъ¹⁾.

допросить о цѣли его прибытія; о лицѣ, возбудившемъ во время допроса подозрѣнія, отписывалось государю, а само оно изъ предосторожности заключалось въ тюрьму. Ср.: Андреевскій, Полицейское право, т. I, стр. 41; Муравьевъ, *ibidem*, стр. 87.

1) Иначе объясняетъ происхожденіе бродячества въ Россіи Н. В. Муравьевъ: „Множество самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій воспитали въ русскомъ народѣ неудержимую страсть къ бездомному скитанію; какъ болѣзненное, хроническое проявленіе этой страсти, выросло и окрѣпло русское бродячество. Древніе новгородскіе *вольные*, *пришлые* люди, *гулящие* люди Московскаго государства, тянувшіе отовсюду къ его окраинамъ, *сходцы* и *утѣклцы* всѣхъ возможныхъ родовъ,—все это прямые историческіе предки нашихъ бродягъ. Историки рисуютъ страшныя картины старой, расходящейся во всѣ стороны, бредущей врозь Руси. Осѣдлость представляетъ только одну и далеко не первенствующую форму быта; рядомъ съ нею и часто побѣждая ее, движутся безчисленные бродячіе элементы, и осѣдлые люди въ своихъ челобитныхъ властямъ не находятъ лучшаго аргумента въ подкрѣпленіе своихъ ходатайствъ, какъ указаніе на то, что имъ остается только одно—брести врозь, бродяжить. Безконечно длинною цѣпью тянутся чрезъ всю русскую исторію причины и условія бродячества: войны, усобицы, смуты, броженіе разной вольницы, скопленія ея и казачество, какъ убижище гулящихъ людей, холопство, потомъ крѣпостное состояніе крестьянъ, крайнія тяжести прежней военной службы, жестокія тѣлесныя и членовредительныя наказанія всякаго рода, грозившія преступникамъ и заставлявшія ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ и бродяжествѣ“. *Ibidem*, стр. 105—106.

Мѣры, принимавшіяся правительствомъ противъ бродягъ въ XVIII вѣкѣ, не носили характера уголовной репрессіи. Основная ихъ цѣль была извлечь пользу изъ бродяги, превратить „бездѣльника, слоняющагося по улицамъ“, въ лицо опредѣленнаго состоянія, платящаго подушныя деньги государева слугу. Въ первой половинѣ XVIII вѣка бродяги по преимуществу направлялись въ С.-Петербургъ, для поселенія на прилежавшихъ къ Петербургу дворцовыхъ земляхъ [см. напр.: 1722 апр. 6 (3939) п. 12; 1723 апр. 25 (4199); окт. 1 (4318) п. 2 и др.; иначе: 1719 мая 11 (3369)]; бродяги, задержанные слишкомъ далеко отъ Петербурга, селились на другихъ дорожныхъ мѣстахъ [1745 март. 19 (9125); апр. 1 (9136)]. Во второй половинѣ XVIII вѣка мѣсто поселенія заняли отдача въ солдаты, отсылка въ крѣпостныя, заводскія и другія казенныя работы и, въ рѣдкихъ случаяхъ, ссылка въ Сибирь [см. напр.: 1736 іюл. 26 (7017); 1753 апр. 29 (10095); 1765 ноябр. 9 (12506); 1766 март. 29 (12605); 1795 ноябр. 14 (17407); 1797 ноябр. 15 (18244) п. 6; 1798 февр. 10 (18364); 1800 мая 1 (19409) и друг.]. Ссылка въ Сибирь въ XVIII вѣкѣ примѣнялась правительствомъ къ бродягамъ неохотно; распространялась она вообще только на лицъ, негодныхъ къ службѣ, да и послѣднимъ разрѣшалось иногда, вмѣсто поселенія въ Сибири, принискивать себѣ помѣщиковъ, которые бы согласились записать ихъ за собою въ подушный окладъ [1729 іюл. 16 (5441); 1765 ноябр. 10 (12507)]. Малолѣтнихъ бродягъ, не достигшихъ узаконеннаго для солдатъ возраста, указы предписывали отсылать въ гарнизонныя школы или опредѣлять на казенныя фабрики и заводы для обученія мастерству [1765 ноябр. 9 (12506); 1766 март. 29 (12605); 1798 февр. 10 (18364)]; бродяги дряхлые, увѣчные и престарѣлые помѣщались въ богадѣльни [1744 ноябр. 2 (9057); 1753 апр. 29 (10095); 1866 март. 29 (12605)], за исключеніемъ „ханжей“, которые, если они не были годны къ военной службѣ, должны были быть отсылаемы въ монастыри [1753 апр. 29 (10095)]. „Ханжами“, повидимому, назывались бродяги духовнаго званія—бѣглые монахи, раскольничьи попы. Ср.: 1775 сент. 29 (14372)].

Первоначально дѣйствию означенныхъ мѣръ были подчинены только бродяги въ тѣсномъ смыслѣ—лица, не открывавшія своего званія и мѣстожительства, не называвшія своихъ помѣщиковъ, не помнившія родства; указъ 9 ноября 1765 года (П. С. З., № 12506) дѣлаетъ примѣненіе ихъ значительно болѣе экстенсивнымъ. Убѣдившись изъ опыта, что показанія бѣглыхъ сравнительно рѣдко находятъ себѣ подтвержденія въ дѣйствительности, и что, по наведеніи справокъ

значительная часть бѣглыхъ превращается въ бродягъ, правительство рѣшаетъ прекратить пересылку бѣглыхъ по ихъ показаніямъ и назначать бѣглымъ тотчасъ же по поимкѣ опредѣленный родъ жизни. Въ послѣдовавшемъ засимъ рядѣ узаконеній [1797 ноябр. 15 (18244) п. 6; 1806 сент. 24 (22285); ноябр. 30 (22377); 1807 авг. 29 (22602); 1808 февр. 28 (22844); 1809 янв. 27 (23455); 1818 апр. 11 (27341); авг. 20 (27487); 1819 сент. 25 (27935); дек. 29 (28058); 1822 март. 20 (28972)], завершившемся Именнымъ указомъ Сенату 23 февраля 1823 года (П. С. З., № 29328), порядокъ распределенія „бѣглыхъ бродягъ“ получаетъ примѣненіе ко всѣмъ вообще бѣглымъ, ко всѣмъ обнаруженнымъ внѣ мѣстъ постоянного жительства безъ узаконеннаго вида.

Замѣчаемое въ законодательствѣ XVIII вѣка отождествленіе понятій „безпаспортнаго“ и „бѣглаго“ не должно казаться страннымъ, если принять во вниманіе, что ближайшею причиною установленія паспорта явились несомнѣнно сильно разившіеся къ концу царствованія Петра Великаго побѣги въ войскахъ. Учрежденіе регулярной арміи, рекрутскихъ наборовъ и пожизненной службы для солдатъ породило такое стремленіе къ побѣгамъ, что изъ бѣглецовъ образовывались цѣлыя шайки, для поимки которыхъ неоднократно посылались отряды войскъ ¹⁾. Указъ 30 октября 1719 года, назначая бѣглецамъ послѣдній срокъ для явки, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ: „Ежели кто, чрезъ вышеупомянутыя партіи (т. е. чрезъ высланные для поимки бѣглыхъ отряды), гдѣ ни будетъ на пути ѣдущій или идущій пойманъ, а паспорта или проѣзжева или прохожева письма имѣть не будетъ, и такіе люди потому же за недобрыхъ или за прямыхъ воровъ будутъ признаваться и повелѣно будетъ ими розыскивать, и для того чтобы никто никуда безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ и не ходилъ, но каждый бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ паспортъ или пропускное письмо“. Указъ 1719 года послужилъ краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшаго законодательства о паспортахъ, которое съ этого времени характеризуется двумя основными положеніями: 1) внѣ постоянного мѣста жительства, точно и строго опредѣленнаго въ законѣ, каждый долженъ имѣть установленный паспортъ, служащій удостовѣреніемъ его личности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволеніемъ начальства на отлучку; 2) лицо, почему либо не имѣющее паспорта, признается бѣглымъ ²⁾.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. Бобр овскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, ч. 2, Артикуль Войскій, 1882 г., стр. 686—729.

²⁾ Муравьевъ, *ibidem*, стр. 88.

Пока распредѣленіе бродягъ состояло въ отдачѣ ихъ въ работы или въ военную службу, начало приравненія бѣглыхъ къ бродягамъ не вызывало, повидимому, особенныхъ неудобствъ. Доказавъ свои права на бѣглаго, помѣщикъ всегда имѣлъ возможность получить бѣглаго обратно; за бѣглаго, отданнаго въ военную службу, опознавшему его владѣльцу тотчасъ же выдавалась зачетная квитанція. Совершенно въ иномъ положеніи оказались владѣльцы бѣглыхъ съ изданіемъ закона 1823 года, въ широкихъ размѣрахъ примѣнивашаго къ бродягамъ ссылку въ Сибирь.

Именной указъ 1823 года состоялся по представленію главнокомандовавшихъ арміями, указывавшихъ на неудобства, проистекавшія отъ непомѣрныхъ побѣговъ поступавшихъ въ военную службу преступниковъ и бродягъ. Имѣя въ виду по преимуществу интересы военной службы, указъ 1823 года постановилъ ссылать на водвореніе въ Сибирь всѣхъ бродягъ, обращавшихся до того времени въ крѣпости и полки, не ожидая окончанія изысканій о первобытномъ ихъ жительствѣ; исключеніе дѣлалось только для случаевъ, когда бродяга указывалъ свое мѣстожителство въ предѣлахъ губерніи, гдѣ былъ задержанъ. Водвореніе бродяги въ Сибири не лишало, правда, помѣщика возможности требовать его возвращенія, но самое право требовать возвращенія съ изданіемъ закона 1823 года утрачивало для помѣщиковъ прежній смыслъ, такъ какъ платить 400 р. за пересылку бѣглаго изъ Сибири, разумѣется, не было для нихъ разсчета.

Примѣненіе закона 1823 года на практикѣ тотчасъ же обнаружило его крайнюю нецѣлесообразность. Въ народѣ не замедлилъ распространиться слухъ, что правительство желаетъ заселить Уралъ, и что достаточно перейти границы губерніи безъ письменнаго вида, чтобы сдѣлаться вольнымъ человѣкомъ, казеннымъ крестьяниномъ, получить отъ казны полное обзаведеніе, деньги въ пособіе и даже жену, если свою жену оставить на мѣстѣ. Число побѣговъ необыкновенно возросло; съ разныхъ сторонъ начали раздаваться заявленія помѣщиковъ, что они находятся въ опасеніи лишиться всякихъ средствъ поддерживать имѣнія и удовлетворять казенныя повинности, если правительствомъ не будутъ приняты мѣры противъ дальнѣйшаго уменьшенія крестьянскихъ работъ (см. журн. Ком. Мин. 16 и 27 Марта 1826 года).

Назначенный по Высочайшему повелѣнію для розысканія разглашателей ложныхъ слуховъ, сенаторъ князь Долгорукій во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ опредѣленно высказался за невозможность сохраненія въ силѣ на будущее время Высочайшаго указа 23 Февраля:

„Не можетъ быть полезенъ указъ“—писалъ онъ—„дающій столь легкій способъ каждому крѣпостному человѣку не только не принадлежать болѣе своему господину и сдѣлаться свободнымъ, но даже обокрасть его и остаться ненаказаннымъ,—указъ, поощряющій крѣпостныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ“. Законъ 1823 года подвергся пересмотру; результатомъ этого пересмотра явилось мнѣніе Государственнаго Совѣта 22 Марта 1828 года (П. С. З., № 1893), въ значительной степени возвратившееся къ началамъ XVIII вѣка въ различіи мѣропріятій противъ бѣглыхъ и бродягъ. Различая понятія бродяги и бѣлаго по существу, названное мнѣніе Государственнаго Совѣта не проводитъ, однако, различія между ними въ употребленіи терминовъ: „бродягой“ именуется въ немъ каждый „бѣглый“, каждый задержанный по немѣнно узаконеннаго вида ¹⁾.

Вызванный къ жизни необходимостью принятія энергичныхъ мѣръ противъ неожиданно и невѣроятно развившагося бродяжества, законъ

¹⁾ Нѣсколько иное освѣщеніе даетъ законамъ 1823 и 1828 г.г. Н. В. Муравьевъ: „До 1823 года—говоритъ онъ—всѣхъ бѣглыхъ или бродягъ ждала одна общая участь—отдача на крѣпостныхъ и другія важныя работы; закономъ же 23 февраля 1823 года было предписано всѣхъ такихъ бѣглыхъ людей или бродягъ и вообще всѣхъ не предъявившихъ паспортовъсылать на поселеніе въ Сибирь. Результатомъ было то, что въ одномъ только слѣдующемъ 1824 году сибирская ссылка разомъ увеличилась на двѣнадцать тысячъ челевѣкъ. Масса самовольныхъ переселенцевъ—крестьянъ съ семьями и домашнимъ скарбомъ, бѣглыхъ крѣпостныхъ, странствующихъ нищихъ, убогихъ, огромныя толпы самаго разнохарактернаго люда ушли на основаніи этого закона въ Сибирь, подведенныя подъ общее понятіе бѣглыхъ и по послѣдствіямъ этого положенія приравненныя къ тяжкимъ уголовнымъ преступникамъ. Произволу и вопіющимъ злоупотребленіемъ стараго чиновничества открылся широкій просторъ, а самое осуществленіе ссылки крайне обременительно отозвалось на государствѣ. Поэтому закономъ отъ 22 марта 1828 года ссылка въ Сибирь за бродяжество и самое понятіе о бродягахъ и бродяжествѣ были ограничены. Сенатъ и Государственный Совѣтъ разъяснили, что за бродягъ слѣдуетъ признавать только тѣхъ безпаспортныхъ людей, „кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повинностей постановленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исправленія повинностей удаляются отъ жительствъ своихъ для праздношатаательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопребыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія“. Явилось такимъ образомъ новое опредѣленіе, но, попрежнему не отличая бродяги отъ бѣлаго, оно ввело только еще одинъ новый и притомъ весьма неудачный признакъ бродяжества,—безнравственное и общепасное свойство его побудительныхъ причинъ и цѣлей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не имѣя въ себѣ ничего юридическаго, признакъ этотъ не поддавался опредѣленію, которое къ тому же было предоставлено чинамъ всѣмъ еще памятной старой земской и городской полиціи“. Ibidem, стр. 89—90.

1828 года, впервые въ исторіи нашего законодательства, рѣшается возвести бродяжество на степень уголовно-наказуемаго проступка ¹⁾. Отказъ отъ дачи о себѣ показаній, подѣ которымъ понимается также, какъ видно изъ матеріаловъ по изданію этого закона, и называніе себя *непомнящимъ родства* („ибо большею частью невѣроятно, чтобы люди въ 40 и болѣе лѣтъ могли не знать и не помнить тѣхъ мѣстъ, гдѣ они воспитаны и выросли“), а равно дача показаній, впоследствии оказавшихся по справкамъ ложными, получаютъ въ немъ значеніе „утайки, подлога и обмана“—преступленія, влекущаго за собой наказаніе плетью. Наказаніе плетью, несомнѣнно, являлось такою мѣрой, которая должна была удержать многихъ отъ превращенія въ бродягу.

При составленіи Свода Законовъ въ 1832 году узаконенія о бродягахъ были введены въ Сводъ, частью въ законы уголовные (т. XV), большею же частью въ т. XIV, въ *Уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ*. Безразличное употребленіе выраженій „бродяга“ и „бѣглый“, замѣчаемое во многихъ законоположеніяхъ начала XIX вѣка, въ Сводѣ Законовъ получаетъ значеніе общаго правила. По ст. 362 Уст. Пасп., изд. 1832 года, „*бѣглыми или бродягами* считаются: 1) всѣ тѣ, кои, отлучась отъ мѣстъ ихъ жительства или пребыванія далѣе срока и мѣста, какое законами для временныхъ отлучекъ опредѣлено, не предъявлять никакихъ законныхъ видовъ на сію отлучку; и 2) тѣ, кои, отлучась и съ вѣдома начальства, и по законнымъ видамъ и паспортамъ, но, потерявъ или просрочивъ оныя, не представляютъ въ свое время законныхъ доказательствъ въ оправданіе“. Согласно этому опредѣленію, признакомъ, характеризующимъ бродяжество по Своду, является какъ бы исключительно отсутствіе законнаго вида на жительства; выраженіе „бродяга“ употребляется въ качествѣ синонима выраженія „бѣглый“.

Но бродяжество въ томъ его значеніи и объемѣ, какимъ оно представляется въ опредѣленіи ст. 362 Уст. Пасп., не составляло еще уголовно-наказуемаго проступка. Задержаніе лица, не имѣвшаго возможности представить никакихъ ясныхъ доказательствъ о званіи, мѣстожительствѣ или вѣдомствѣ своемъ, влекло за собой лишь: 1) наведеніе о немъ, согласно его показанію, справки (ст. 384), 2) публикованіе о немъ въ вѣдомостяхъ (ст. 385), и 3) принятіе по

¹⁾ Ни одинъ изъ проектовъ уголовныхъ уложеній, предшествовавшихъ изданію Свода Законовъ (ни проекты Комиссіи по составленію уложенія 1754—1766 г.г., ни проектъ Якова, ни правительственный проектъ 1813 года) не предусматриваетъ бродячества въ числѣ преступленій.

отношенію къ нему извѣстныхъ временныхъ мѣръ, состоявшихъ: а) въ помѣщеніи бродягъ, годныхъ къ работамъ (въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ), показавшихъ себя изъ податнаго состоянія или изъ разночинцевъ, въ исправительныя рабочія роты; б) въ оставленіи бродягъ мужчинъ, неспособныхъ къ тому по лѣтамъ, по слабому сложенію или по увѣчью, а также всѣхъ бродягъ женщинъ—при полиціи; в) въ отсылкѣ бродягъ пресгарѣлыхъ и тѣхъ изъ малолѣтнихъ мужскаго пола, коимъ нѣтъ 17 лѣтъ отъ роду, въ приказы общественнаго призрѣнія, и наконецъ, г) въ отсылкѣ малолѣтнихъ мужскаго пола въ возрастѣ отъ 8 до 17 лѣтъ въ военно-сиротскія отдѣленія (ст. 387). Если показаніе, учиненное при допросѣ, справкой подтверждалось, то бѣглець отсылался по принадлежности въ то мѣсто, откуда онъ себя показалъ (ст. 389). Если справка не открывала ни настоящаго мѣстожителства, ни вѣдомства или сословія бродяги, или если онъ отказывался подъ какимъ-либо предлогомъ дать о себѣ показаніе, то онъ подвергался суду, *„какъ блоченный въ утайку, подлость и обманъ“* (ст. 390). По совершеніи надъ бродягами судебного приговора, состоявшаго, какъ было указано выше, въ присужденіи ихъ къ наказанію плетью, бродяги распредѣлялись такъ: 1) отосланные въ исправительныя рабочія роты оставались въ оныхъ; 2) неспособные по лѣтамъ, по слабому сложенію или по увѣчью и содержавшіеся при полиціи, равно какъ и всѣ женщины, взятыя за бродяжество, ссылались въ Сибирь (женщины безъ наказанія плетью); 3) бродяги обоюго пола, оказавшіеся глухими, слѣпыми, нѣмыми или за совершенною дряхлостью вовсе неспособными къ слѣдованію въ Сибирь, обращались въ приказы общественнаго призрѣнія (ст. 391). Въ приказы же обращались малолѣтніи, находившіеся при бродягахъ дѣти, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, первые до достиженія 8 лѣтъ, когда они переводились въ военно-сиротскія отдѣленія, послѣдніи до достиженія ими совершеннолѣтія, до полученія возможности снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ (ст. 391). Бродяги малолѣтніе, отосланные какъ въ приказы общественнаго призрѣнія, такъ и въ военно-сиротскія отдѣленія, ни суду, ни наказанію за бродяжество не подвергались. Такимъ образомъ разрѣшался вопросъ о бродягахъ Сводомъ Законовъ 1832 года.

Въ Уставѣ о Паспортахъ, изд. 1842 года, въ постановленія о бродяжествѣ было внесено одно существенное измѣненіе. Согласно положенію Комитета Министровъ 14 Февраля 1833 года (П. С. З., № 5978) и изданному въ разъясненіе его и другихъ узаконеній о бродягахъ сенатскому указу 28 Сентября 1834 года (П. С. З., № 7415),

бродяги, объявившіе себя при задержаніи „непомнящими родства“, были избавлены отъ наказанія и преданія суду; безъ всякихъ розысковъ и публикацій, они тотчасъ же по задержаніи слѣдовали своей участи, согласно общимъ постановленіямъ о бродягахъ, т. е. немедленно же подвергались окончательному распредѣленію.

Составители Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года, заимствовавъ изъ Свода понятіе бродяжества, не нашли возможнымъ перенести въ Уложеніе имѣвшееся въ Сводѣ опредѣленіе бродяжества, мало отвѣчавшее, по ихъ мнѣнію, „обыкновенному и истинному понятію“ о семъ проступкѣ. Составленнымъ ими новымъ опредѣленіемъ, вошедшимъ въ ст. 950 дѣйствующаго изданія Уложенія и приведеннымъ ниже, выраженію „бродяжество“ былъ возвращенъ его прежній смыслъ,—смыслъ, который оно имѣло въ узаконеніяхъ XVIII вѣка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приданъ характеръ строго юридическаго термина: понятіе ненаказуемаго бродяжества, бродяжества въ широкомъ смыслѣ, съ изданіемъ Уложенія о Наказаніяхъ, казалось-бы, должно было перестать существовать. Въ дѣйствительности, однако, этого не произошло, такъ какъ хотя новое опредѣленіе бродяжества въ Сводѣ Законовъ 1857 года и было включено дословно въ ст. 582 Уст. Пасп., редакція остальныхъ статей какъ этого, такъ и другихъ уставовъ, не была съ нимъ согласована, результатомъ чего явилось, что и до сего времени во многихъ статьяхъ Свода выраженіе „бродяга“ продолжаетъ употребляться въ смыслѣ „бѣглый“. ¹⁾ Такое именно значеніе имѣетъ оно, между прочимъ, въ неоднократно встрѣчающихся въ Сводѣ выраженіяхъ „поступать какъ съ бродягою“ [см. напр., т. IX, Зак. Сост., ст. 768; т. XIV, Уст. Пред. Прест., ст. 158, и др.], отнюдь нетождественныхъ съ выраженіями „подвергать наказанію за бродяжество“ или „предавать суду“; случаи наказуемаго бродяжества,—бродяжества въ техническомъ смыслѣ, въ Уложеніи о Наказаніяхъ указаны исчерпывающимъ образомъ²⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что съ изданіемъ въ 1894 году *Положенія о видахъ на жителство* выраженіе „бѣглый“ утратило значеніе юридическаго термина. Отнынѣ слово „бѣглый“ можетъ употребляться только въ нетехническомъ смыслѣ, подобно словамъ: „убійца“, „разбойникъ“, „грабитель“, по отношенію къ лицамъ, учинившимъ преступное дѣяніе, именуемое *побѣгомъ*. Такъ какъ, въ зависимости отъ тяжести побѣговъ, послѣдствія побѣговъ представляются далеко неодинаковыми, никакихъ общихъ правилъ для „бѣглыхъ“, казалось бы, не должно болѣе существовать. Подробности объ этомъ см. мою замѣтку о „бѣглыхъ“ въ *Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ*, т. I, стр. 1352—1357.

²⁾ Ср. *Неклюдовъ*, Руководство въ особенной части русскаго уголовного права, т. IV, стр. 24.

Согласно статьѣ 950 Улож. Наказ. (ст. 1176 Улож. Наказ., изд. 1845 г.), „бродягами признаются и подвергаются наказаніямъ, за бродяжество въ слѣдующихъ 951 и 952 статьяхъ опредѣленнымъ, какъ жительствовающіе, такъ и переходящіе или переѣзжающіе изъ мѣста въ мѣсто, не только безъ вѣдома надлежащихъ полицейскихъ начальствъ и безъ установленныхъ на то видовъ, но и безъ всякихъ средствъ доказать настоящее свое состояніе или званіе, или же упорно отъ сего отказывающіеся“. Изъ содержанія статей 951 и 952 Уложения видно, что законъ знаетъ двѣ категоріи бродягъ: 1) называющихъ себя непомнящими родства, или же подъ инымъ какимъ либо предлогомъ упорно отказывающихся объявить о своемъ состояніи или званіи и постоянномъ мѣстожительствѣ, и 2) сдѣлавшихъ при допросѣ о состояніи или званіи своемъ ложное показаніе.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію измѣненій, внесенныхъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ 1845 года въ постановленія о бродягахъ, нельзя не замѣтить, что въ литературѣ установилось мнѣніе, обязанное отчасти своимъ происхожденіемъ собственному заявленію составителей проекта, что Уложеніемъ о Наказаніяхъ дано новое понятіе бродячества, сузившее объемъ этого преступленія по сравненію съ опредѣленіями о бродяжествѣ Свода Законовъ 1832 и 1842 г.г.¹⁾ Мнѣніе это представляется въ значительной степени ошибочнымъ. Какъ было только что указано, уставъ паспортный 1832 и 1842 г.г. зналъ бродяжество *наказуемое*, бродяжество въ тѣсномъ смыслѣ, и бродяжество *ненаказуемое* или бродяжество въ широкомъ смыслѣ: понятіе бродяги въ широкомъ смыслѣ совпадало, согласно ст. 362 Уст. Пасп., изд. 1832 г., и ст. 556, изд. 1842 г., съ понятіемъ бѣглаго; только это опредѣленіе бродячества, т. е. опредѣленіе бродячества въ широкомъ смыслѣ, и имѣли въ виду составители проекта²⁾; сравнительно съ нимъ опредѣленіе бродячества въ проектѣ

¹⁾ *Муравьевъ*, ibidem, стр. 91; *Неклюдовъ*, ibidem, стр. 25; *Жижиленко*, ibidem, стр. 189—190.

²⁾ „Въ статьѣ 556 Устава о паспортахъ—говорится въ объясненіяхъ къ ст. 1136 проекта уложенія—подъ именемъ бѣглыхъ или бродягъ разумѣются: 1) всѣ тѣ, кои, отлучась отъ мѣста ихъ жительства или пребыванія долѣе срока и мѣста, какіе закономъ для временныхъ отлучекъ опредѣлены, не предъявляютъ никакихъ законныхъ видовъ на сію отлучку, и 2) тѣ, кои, отлучась и съ вѣдома начальства и по законнымъ видамъ и паспортамъ, но, потерявъ или просрочивъ оные, не представляютъ въ свое время законныхъ доказательствъ въ оправданіе. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ сей статьѣ Устава о паспортахъ дано слову *бродяга* значеніе слишкомъ обширное, ибо подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть такихъ людей, которые отлучаются только безъ видовъ или

являлось, разумѣется, опредѣленіемъ новымъ. Но стоитъ сравнить объемъ и составъ наказуемаго бродяжества по Своду Законовъ 1832 года (Уст. Пасп., ст. 390; Зак. Угол., ст. 399) съ объемомъ и составомъ бродяжества по Уложенію о Наказаніяхъ, чтобы убѣдиться, что въ понятіе *преступленія* бродяжества составителями проекта Уложения почти не внесено измѣненій. По Своду Законовъ 1832 года суду за бродяжество подвергались: 1) лица, мѣстожителство, вѣдомство или сословіе которыхъ не было открыто произведенными о нихъ, согласно ихъ показанію, справками, и 2) лица, подъ какимъ-либо предлогомъ отказывавшіяся дать о себѣ показанія (объявившіе себя „непоминающими родства“ по Своду Законовъ 1842 года суду не подвергались). По опредѣленію составителей проекта Уложения бродягами являются: 1) лица, не имѣющія средствъ доказать настоящее свое состояніе или званіе, и 2) лица, упорно отъ сего отказывающіяся. Если принять во вниманіе, что и съ изданіемъ Уложения о Наказаніяхъ отсутствіе средствъ доказать свое званіе продолжало удостовѣряться тѣмъ же путемъ, какимъ оно удостовѣрялось по Своду, т. е. наведеніемъ справки, согласно показанію предполагаемаго бродяги (ср. объясненія къ статьѣ 1138 Проекта 1844 года), то нельзя не согласиться, что измѣненія, внесенныя Уложеніемъ въ понятіе *преступленія бродяжества*, представляются измѣненіями исключительно редакціоннаго свойства.

Иное должно сказать относительно реформъ, произведенныхъ Уложеніемъ въ санкціи этого проступка, въ характерѣ и содержаніи примѣнявшихся къ бродягамъ карательныхъ и административныхъ мѣръ. До изданія Уложения о Наказаніяхъ наше право знало только одно взысканіе за бродяжество—наказаніе плетью, которое въ Сводѣ Законовъ 1842 года, за освобожденіемъ отъ него бродягъ, объявившихъ себя при задержаніи „непоминающими родства“, получило значеніе кары, опредѣлявшейся собственно за ложное показаніе; составители проекта Уложения не нашли возможнымъ сохранить это наказаніе въ новомъ уголовномъ законѣ. Представилось необходимымъ чѣмъ-либо его замѣнить; сдѣлать это оказалось очень легко: Уложеніе о Наказаніяхъ 1845 года придало характеръ карательныхъ послѣдствій нѣкоторымъ изъ тѣхъ существовавшихъ въ Сводѣ Законовъ 1832 и 1842 гг.

просрочать полученные ими виды, ибо въ сихъ проступкахъ иногда бываютъ виновны люди совершенно неукоризненнаго и честнаго поведенія. Вслѣдствіе сихъ мыслей и соображеній, мы составили новое опредѣленіе *бродяжества*, опредѣленіе, которое, кажется, болѣе соответствуетъ обыкновенному и истинному понятію о семъ преступленіи“.

административныхъ мѣропріятій, примѣнявшихся къ бродягамъ, которыя имѣли цѣлью устройство ихъ рода жизни и дальнѣйшей участи. На семъ основаніи, согласно постановленіямъ Уложенія: 1) бродяги способные къ военной службѣ, въ силу ст. 600 Уст. Пасп., изд. 1842 г., на которую въ 1177 Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года сдѣлана ссылка, должны были отдаваться въ солдаты; 2) бродяги негодные къ службѣ—обращаться въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства (ср. Уст. Пасп., ст. 600, п. 3); 3) неспособные къ работамъ въ ротахъ въ моментъ осужденія, сдѣлавшіеся неспособными вполнѣдствіи и во всякомъ случаѣ всѣ бродяги, пробывшіе въ арестантскихъ ротахъ отъ 10 до 12 лѣтъ (этотъ срокъ определенъ составителями проекта въ томъ предположеніи, — говорится въ объясненіяхъ къ статьѣ 1137 проекта,—что человекъ послѣ 12 или 15-лѣтнихъ постоянныхъ работъ въ арестантскихъ ротахъ едва ли способенъ продолжать оныя), а также бродяги-женщины по отбытіи заключенія въ рабочемъ домѣ, замѣнявшемъ для нихъ, согласно статьи 83 Уложенія, арестантскія роты ¹⁾, подлежали поселенію за Кавказомъ или же въ Сибирскихъ или другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, по усмотрѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (ср. Уст. Пасп., ст. 600, п. 4); наконецъ, 4) бродяги обоого пола, оказавшіеся, по свидѣтельству мѣстнаго губернскаго начальства и врачебной управы, глухими, слѣпыми, вѣчными или за совершенною дряхлостью вовсе неспособными къ слѣдованію въ Сибирь, должны были обращаться въ приказы общественного призрѣнія (ср. Уст. Пасп., ст. 600, п. 5). При семъ, а равно и въ отношеніи къ малолѣтнимъ, находящихся при бродягахъ дѣтяхъ предписывалось наблюдать въ точности правила, въ 600 и слѣдующихъ за оною статьяхъ Устава о паспортахъ и бѣглыхъ постановленныя: «Подробныя правила о самомъ распределеніи бродягъ и вообще безпаспортныхъ, а равно и о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ тѣми, которые окажутся принадлежащими помѣщикамъ, обществамъ, и другія симъ подобныя,—указывалось въ объясненіяхъ составителей проекта,—не принадлежать къ законамъ о наказаніяхъ и должны содержаться въ Уставѣ о Паспортахъ, на

¹⁾ Допустивъ замѣну арестантскихъ ротъ рабочимъ домомъ для женщинъ, Уложеніе о Наказаніяхъ 1845 года не упомянуло о подобной же замѣнѣ ихъ для лицъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ неспособныхъ. Редакторы Свода совершенно основательно усмотрѣли въ этомъ оказавшійся въ Уложеніи пробѣлъ, который былъ восполненъ вполнѣдствіи мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 23 Ноября 1853 года (П. С. З., № 27722).

постановленія котораго и сдѣлана ссылка» (Объясненія къ статьямъ 1137 и 1138).

При разсмотрѣніи проекта Уложенія о Наказаніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ предположенія составителей относительно наказуемости бродяжества было внесено одно существенное измѣненіе, касавшееся проектированнаго ими правила объ отвѣтственности бродягъ за дачу о себѣ ложныхъ показаній при допросѣ. Въ отступленіе отъ порядка, практиковавшагося ранѣе, редакторы Уложенія желали, какъ они заявляютъ объ этомъ въ мотивахъ къ проекту (см. объясненія къ ст. 1138),—подвергая наказанію лицо, неимѣющее установленнаго вида на жительство, за ложное о себѣ показаніе, «дать ему возможность загладить до нѣкоторой степени сію вину свою, и только а вторичное ложное о томъ объявленіе поступать съ нимъ какъ съ бродягою, не принадлежащимъ ни къ какому сословію, по принятымъ для очищенія гражданскаго общества отъ людей сего рода правиламъ», причемъ приравниали отвѣтственность обвиняемаго въ бродяжествѣ за ложное показаніе при допросѣ къ отвѣтственности за ложное показаніе безъ присяги подъ судомъ, виновные въ коемъ должны были приговариваться по статьѣ 1130 проекта или къ аресту на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину. Съ этими предположеніями составителей Государственный Совѣтъ не согласился и постановилъ, чтобы съ обвиняемыми въ бродяжествѣ, сдѣлавшими при допросѣ о состояніи или званіи своемъ показаніе, которое по собраннымъ справкамъ оказалось ложнымъ, поступали какъ съ тѣми изъ бродягъ, которые называютъ себя непомнящими родства, или же подъ янымъ предлогомъ упорно отказываются объявить о своемъ состояніи или званіи, подвергая ихъ сверхъ сего за ложное показаніе наказанію розгами отъ 30 до 40 ударовъ, по усмотрѣнію и опредѣленію суда.

Чтобы получить, однако, полное представленіе о той системѣ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію бродяжества, какая установилась въ нашемъ правѣ со введеніемъ въ дѣйствіе Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года, необходимо имѣть въ виду, независимо отъ изложенныхъ постановленій Уложенія, изданный почти одновременно съ Уложеніемъ Именной указъ о клейменіи бѣглыхъ 21 іюля 1845 года (П. С. З., № 19223). На основаніи этого закона, оставшагося въ силѣ впредь до памятнаго указа 17 Апрѣля 1863 года, всѣ бродяги, за исключеніемъ женщинъ, малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, объявлявшіе себя незнающими своихъ именъ и званія или

непомнящими родства, равно называвшіеся ложными именами, должны были клеймиться наложеніемъ на правой рукѣ, ниже локтя, особаго знака съ буквою *Б* (бродяга или бѣглый). Бродяги, попадавшіеся съ подобными знаками, вновь клеймились и или отсылались для наказанія за побѣгъ въ то мѣсто или вѣдомство, откуда бѣжали, или, въ случаѣ сокрытія ими сего, судились и наказывались, какъ дезертиры, за то число побѣговъ, какое совершили. Если бродяга, клейменный буквою *Б*, задерживался въ предѣлахъ Сибири, онъ подвергался, какъ каторжный третьяго разряда за первый побѣгъ, наказанію плетью отъ 40 до 50 ударовъ и обращенію на работы въ рудники на 6 лѣтъ, и клеймился уже, какъ ссыльно-каторжный, буквами *С. К.* Бродягъ, задержанному въ Сибири или виѣ оной съ знаками клейма *С. К.*, наказаніе назначалось, смотря по числу знаковъ и по тому, гдѣ былъ бродяга задержанъ, какъ каторжному безсрочному за второй или третій побѣгъ¹⁾ (Уст. Пасп., изд. 1857 г., ст. 618, 619, 632; Уст. Ссылн., изд. 1857 г., ст. 808, 815, 816.— Ср.: Уст. Пасп., изд. 1890 г., ст. 344; Уст. Ссылн., изд. 1890 г., ст. 452).

Если бы мы пожелали отвѣтить на вопросъ, въ чемъ заключался центръ тяжести установленной Уложеніемъ о Наказаніяхъ 1845 года за бродяжество сложной системы взысканій, то не подлежить сомнѣнію, что отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы быть только одинъ: основною и наиболѣе существенною частью наказанія за бродяжество по Уложенію являлось долгосрочное лишеніе свободы съ принудительными работами—для бродягъ-мужчинъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ, для бродягъ-женщинъ въ рабочемъ домѣ. Поселеніе въ отдаленныхъ губерніяхъ или Сибири въ этой системѣ являлось только дополнительнымъ наказаніемъ, придаткомъ, такимъ же, какимъ оно является въ настоящее время по отношенію къ каторгѣ. Какъ извѣстно, однако, карательная система Уложенія о Наказаніяхъ въ значительной части своей осталась на бумагѣ. Широко проектированное Уложеніемъ лишеніе свободы не получило и не могло получить практическаго осуществленія. Число требовавшихся Уложеніемъ арестантскихъ мѣстъ превышало болѣе чѣмъ на 300—400% число мѣстъ, имѣвшихся въ то время въ нашихъ тюремныхъ учрежденіяхъ. Тотчасъ же за введеніемъ Уложенія о Наказаніяхъ въ дѣйствіе обнаружилась необходимость произвести въ установленной имъ каратель-

¹⁾ Особые правила объ отвѣтственности бродягъ, имѣющихъ на себѣ клейма, отмѣнены закономъ 12 Іюня 1900 года объ ограниченіи ссылки.

ной системѣ поправки, вызывавшіяся приспособленіемъ Уложенія къ условіямъ дѣйствительной жизни; поправки эти были сдѣланы сначала въ Выс. утв. мѣстн. Государственного Совѣта 17 октября 1849 года „о обращеніи задерживаемыхъ въ Сибири бродягъ при недостаткѣ помѣщенія въ арестантскихъ ротахъ на казенные фабрики и заводы“, а затѣмъ въ Выс. утв. мѣстн. Государственного Совѣта 23 ноября 1853 года „о мѣрахъ къ устраненію накопленія арестантовъ въ мѣстахъ заключенія, и о распредѣленіи по мѣстамъ ссылки преступниковъ изъ жителей Сибири (П. С. З., № 27722). Последнимъ закономъ были установлены „временныя правила о замѣнѣ работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданского вѣдомства и заключенія въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ и тюрьмахъ другими наказаніями“, оставшіяся въ силѣ по отношенію къ бродягамъ до самаго послѣдняго времени, до закона 12 Іюня 1900 года. На основаніи временныхъ правилъ 1853 года, всѣ бродяги, за исключеніемъ евреевъ, вмѣсто нормальныхъ сроковъ лишенія свободы, полагавшихся имъ по закону, должны были назначаться въ исправительныя арестантскія роты, переименованныя въ 1870 году въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на одинъ годъ, а при неимѣніи въ ротахъ достаточнаго помѣщенія или при признаніи осужденнаго неспособнымъ къ работамъ въ ротахъ—въ рабочіе дома или тюрьмы также на одинъ годъ, и по прошествіи сего года должны были высылаться въ Восточную Сибирь. Но такъ какъ содержаніе бродягъ въ арестантскихъ ротахъ и въ теченіе одного года было въ то время фактически неосуществимо, въ особенности когда въ арестантскихъ ротахъ встрѣтилась надобность для временнаго размѣщенія въ нихъ каторжныхъ, то законъ 18 апрѣля 1869 года (П. С. З., № 46984) пошелъ въ указанномъ направленіи еще далѣе и предписалъ, впредь до устройства каторжныхъ работъ, всѣхъ бродягъ, присуждаемыхъ къ срочному содержанію въ мѣстахъ заключенія, высылать прямо на водвореніе въ Сибирь (п. 7). Бродяги, ссылаемые въ Сибирь на водвореніе подъ именемъ *водворяемыхъ рабочихъ*, согласно закону (Уст. Ссылн., изд. 1857 г., ст. 882—888; изд. 1890 г., ст. 507—512), должны были распредѣляться въ Сибири по округамъ, волостямъ и городамъ, по распоряженію Тюменскаго Приказа и экспедицій о ссылныхъ, и оставаться въ вѣдѣніи экспедицій и подъ особымъ ихъ надзоромъ до истеченія полутора года со дня прибытія ихъ въ мѣста назначенія; въ теченіе этого времени они должны были употребляться, по распоряженію экспедицій, на общественныя работы, или отдаваться въ заработки на золотые прииски, или въ работники или работницы

въ волостяхъ, или на частныя фабрики или заводы, а женщины и въ прачешныя при больницахъ и т. п. По истеченіи полутора года водворяемымъ рабочимъ предоставлялось избрать для себя родъ жизни податнаго состоянія въ одной изъ Сибирскихъ губерній или областей, съ нѣкоторыми ограниченіями въ отношеніи правъ состоянія и права выѣзда изъ мѣста жительства; въ отношеніи къ переходу въ городскія званія, къ наказаніямъ за преступленія и проступки, къ пріобрѣтенію имущества на свое имя, а также и въ отношеніи платежа податей, отправленія повинностей, исключенія изъ оклада и зачисленія въ окладъ, сосланные на водвореніе бродяги приравнивались къ ссыльнопоселенцамъ. Въ дѣйствительности, однако, за отсутствіемъ въ Сибири фабрикъ, заводовъ и другихъ казенныхъ работъ, бродяги, сославшіеся въ Восточную Сибирь на водвореніе подъ именемъ водворяемыхъ-рабочихъ, ни на какія работы не назначались, а прямо приселялись къ деревнямъ старожиловъ. Въ такомъ положеніи находился вопросъ о бродяжествѣ въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда возникли предположенія объ измѣненіи законовъ о бродягахъ, въ виду предпринятой общей реформы уголовныхъ законовъ.

II.

18 Іюня 1875 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ и составленіи новаго уголовного уложенія, причемъ Министру Юстиціи было поручено озаботиться изготовленіемъ необходимаго для указанной цѣли матеріала. Въ исполненіе этого порученія Министерствомъ Юстиціи 14 Августа того же года былъ изданъ циркуляръ, предлагавшій чинамъ судебнаго вѣдомства доставить свои замѣчанія на уголовныя законы. Доставленные и сгруппированныя ¹⁾, замѣчанія эти содержатъ въ себѣ по вопросу о бродяжествѣ цѣнныя данныя, позволяющія намъ, между прочимъ, судить о томъ, въ чемъ заключается сущность современнаго бродяжества, по мнѣнію лицъ, имѣвшихъ возможность близко изучить его на практикѣ, какія мѣры рекомендуются мѣстными судебными дѣятелями для борьбы съ этимъ социальнымъ зломъ. Характерная черта замѣчаній юристовъ практиковъ на статьи 950—952 Улож. Наказ.—ихъ

¹⁾ Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства, изд. Министерства Юстиціи, т. II и III, 1880—1881 г.г.

удивительное однообразіе: уменьшить число бродягъ — находить всѣ лица, останавливающіяся въ своихъ соображеніяхъ на этомъ вопросѣ, — можно только усиленіемъ тяжести опредѣляемыхъ за это преступленіе взысканій: «Преступленіе это существуетъ — читаемъ въ отзывѣ предсѣдателя Ярославскаго суда (Матеріалы, т. II, стр. 199), — лишь отъ того, что наказаніе за него положено крайне слабое. Возможно ли допустить, чтобы взрослый человѣкъ не зналъ, кто онъ, гдѣ его мѣстожителство и родина? Кто же можетъ рисковать назвать себя бродягою, какъ не тотъ, который при наименованіи себя настоящимъ именемъ подвергалъ-бы себя большей отвѣтственности за совершенное имъ преступленіе? Естественно, что убійцѣ, поджигателю, разбойнику, грабителю и другимъ лицамъ, совершившимъ тяжкія преступленія, а равно дезертирамъ гораздо выгоднѣе назвать себя бродягою и тѣмъ избѣгнуть строжайшаго наказанія за совершенное имъ дѣяніе. Слѣдовательно, чтобы отнять всякую охоту называть себя бродягою, необходимо установить для этого присвояемаго званія такое наказаніе, чтобы страхъ этихъ послѣдствій побуждалъ ихъ лучше подвергнуться осужденію за дѣйствительно совершенное имъ преступленіе. Если будетъ назначено за бродяжество (т. е. названіе себя бродягою, непомнящимъ родства) каторжная работа по 7 степ. 19 ст. Уложенія въ высшей мѣрѣ (6 лѣтъ) и ссылка на поселеніе въ Сибирь, какъ послѣдствіе онаго, то сословіе бродягъ исчезнетъ изъ Россіи или же сократится до крайности». Еще рѣшительнѣе высказывается предсѣдатель Пензенскаго окружнаго суда (*ibidem*, стр. 192—195): «Въ дѣйствительной жизни крайне рѣдко можетъ произойти такое стеченіе обстоятельствъ, въ силу котораго человѣкъ потерялъ-бы всякое сознаніе о своемъ происхожденіи и званіи. Но уже ни въ какомъ случаѣ положительно нельзя допустить того, чтобы взрослый человѣкъ, иногда старикъ, въ продолженіи цѣлой своей жизни не сдѣлалъ ни одного шага для отысканія своей родины, которая такъ дорога всякому. Допустивъ даже и эту возможность, нельзя допустить, наконецъ, того, чтобы человѣкъ съ здоровыми физическими и нравственными силами не помнилъ и не зналъ, гдѣ онъ провелъ всю жизнь, съ кѣмъ онъ сталкивался, у кого ночевалъ прошедшую ночь, даже, какъ его самого зовутъ. Нуженъ весьма сильный толчекъ, чтобы заставить простаго русскаго человѣка (каковы по преимуществу всѣ бродяги) бросить навсегда свою родину, разорвать всѣ дорогія ему связи и скитаться по незнакомымъ ему мѣстамъ, рискуя всякую минуту быть арестованнымъ и наказаннымъ. Стремленіе объяснить это нежеланіемъ трудиться или вообще неспособностью къ осѣдлой жизни едва-ли состоятельно, если принять

во вниманіе, что большинство бродягъ, настоящее званіе которыхъ въ послѣдствіи обнаружено, принадлежало прежде къ семействамъ и, слѣдовательно, не могло получить наклонности къ бродичей жизни съ самаго малолѣтства, и что многіе бродяги во время своего бродяжества занимались работами и жили по нѣскольку лѣтъ у тѣхъ, кто соглашался держать ихъ безъ паспортовъ; слѣдовательно, не отвращеніе къ труду сдѣлало ихъ бродягами. Что же можетъ сдѣлать человѣка бродягою?» Изъ сопоставленія фактовъ, взятыхъ изъ окружающей насъ дѣйствительности, по мнѣнію автора цитируемаго отзыва, «нельзя не прійти къ положительному и чуть ли не безошибочному выводу, что толчекъ, заставляющій человѣка забыть, такъ сказать, самого себя, сдѣлаться бродягою, есть преступленіе. Но если преступленіе заставляетъ человѣка сдѣлаться бродягою, то оно, конечно, должно принадлежать къ разряду такихъ, за которыя въ законѣ опредѣлены наказанія болѣе строгія, нежели за бродяжество, потому что въ противномъ случаѣ преступнику не было бы никакого разсчета, избѣгая меньшаго наказанія, подвергать себя наказанію болѣе строгому... По этимъ соображеніямъ существенною мѣрою для уничтоженія бродяжества, этого ненормальнаго явленія въ благоустроенномъ обществѣ представляется усиленіе тяжести наказанія за оное до высшей степени.... Необходимо или возвести наказаніе за бродяжество на степень высшихъ уголовныхъ наказаній или же, если это признано бы было невозможнымъ, изъять дѣла о бродягахъ изъ вѣдѣнія суда, предоставивъсылать ихъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ». За опредѣленіе за бродяжество ссылки въ каторжныя работы высказывается также и старшій предсѣдатель Казанской судебной палаты (ibid, стр. 198); эта же мысль проводится и въ отзывѣ прокурора Рыбинскаго окружнаго суда: «Незнаніе своего родства и происхожденія—читаемъ въ послѣднемъ отзывѣ (ibid, стр. 198)—есть идея, которая вошла въ обычай потому, что ее внесъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ такого факта существовать не можетъ, и потому справедливость требуетъ, чтобы законъ за названіе себя непомнящимъ родства, какъ за наглую насмѣшку надъ закономъ, наказывалъ каторгой: тогда не будутъ подъ именемъ этимъ укрываться бѣглые поселенцы Сибири, военные дезертиры и преступники всѣхъ категорій, ибо разсчитать ихъ будетъ потерянь». Наряду съ приведенными замѣчаніями чинами судебного вѣдомства было высказано и нѣсколько другихъ пожеланій по поводу предстоявшаго пересмотра постановленій о бродягахъ. Главнѣйшія изъ нихъ сводились къ указаніямъ на цѣлесообразность: 1) измѣненія въ новомъ кодексѣ опредѣленія бродяжества въ томъ

смыслѣ, чтобы оно не обнимало собою немѣня средствъ доказать свое состояніе или званіе, но только сокрытіе личности (т. II, стр. 196, 198; т. III, стр. 293); 2) отмѣны наказанія розгами, грозившаго до 1900 года обвиняемымъ въ бродяжествѣ за дачу о себѣ ложнаго показанія при допросѣ (т. II, стр. 196, 198; т. III стр. 294), и 3) освобожденія суда отъ разсмотрѣнія дѣлъ о бродягахъ съ передачею сихъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе административной власти (т. II, стр. 195—196, 200—201, 203). Только одно замѣчаніе (и. д. судебного слѣдователя Тамбовскаго окружнаго суда), стоящее совершенно особнякомъ, шло за предѣлы указаній на частичные недостатки постановленій о бродягахъ дѣйствующаго законодательства, требуя радикальной реформы самаго понятія, конструирования его въ новомъ уложеніи на совершенно иныхъ основаніяхъ. Исходя изъ мысли, что опредѣленіе бродяжества дѣйствующаго права, вытекающее изъ требованій паспортной системы, имѣетъ въ виду чисто внѣшній формальный моментъ: отсутствіе паспорта и возможности доказать свое званіе или состояніе и не улавливаетъ самой сущности бродяжничества, явленія весьма опаснаго для общества, авторъ разсуждаемаго мнѣнія находилъ желательнымъ изложить въ новомъ кодексѣ законоположенія о бродягахъ такимъ образомъ, чтобы они карали исключительно лицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣстожителства, средствъ существованія и опредѣленнаго занятія или ремесла (т. III, стр. 293) ¹⁾.

¹⁾ Мнѣнія юристовъ-практиковъ, высказавшихся за усиленіе репрессій за бродяжество, нашли себѣ въ литературѣ убѣжденнаго защитника въ лицѣ г. Селиванова (Журн. гражд. и угол. пр. 1884 г., кн. 3): „Заставить человека скрывать свое званіе,—находить г. Селивановъ (стр. 79)—отказаться отъ семьи и родины, бродить въ родѣ дикаго звѣря и въ каждомъ встрѣчномъ видѣть врага, бѣжать свѣта, каждую минуту ждать суда и наказанія могутъ только весьма важныя причины. Бродяга, вопреки чувства самосохраненія, присущему всякому человеку,—отказывается отъ гарантій, предоставляемыхъ обществомъ своимъ членамъ. Это противно человеческой природѣ—природа же, какъ извѣстно, не терпитъ противорѣчій. Необходимо, слѣдовательно, допустить, что сокрытіе къмъ-либо своего званія и своего прошлаго необходимо ему именно въ видахъ присущаго ему чувства самосохраненія, а это можетъ имѣть мѣсто въ томъ единственномъ случаѣ, когда въ прошломъ человека есть такое преступное дѣяніе, наказаніе за которое ему угрожаетъ болѣе сильное, чѣмъ за бродяжество. Иначе сказать, всякій бродяга непременно тяжкій уголовный преступникъ. Любовь къ бродячеству иногда пробуютъ объяснить неспособностью въ осѣдлой жизни—но это объясненіе вызвано единственно обозначеніемъ именемъ бродяжества двухъ совершенно различныхъ преступленій: сокрытія личности и праздношатайства (о которомъ рѣчь будетъ впереди). Точно также не имѣетъ основанія объясненіе, что часто семейныя

Хотя приведенное мнѣніе, какъ было только что отмѣчено, въ лицѣ юристовъ-практиковъ, представившихъ замѣчанія на постановленія о бродягахъ, не имѣло сторонниковъ, Редакціонная Коммисія, избранная для составленія новаго уложенія, въ выработанномъ ею проектѣ пошла по тому именно пути, какой указывался ей авторомъ послѣдняго отзыва. Она отвергла существующее понятіе бродяжества, замѣнивъ его новымъ, заимствованнымъ ею изъ западно-европейскаго права. Въ доказательство неудовлетворительности постановки бродяжества въ дѣйствующемъ

обстоятельства вынуждаютъ человѣка скрывать свою личность и дѣлаться бродягою. Лицо желающее, по тѣмъ или другимъ причинамъ, порвать съ своимъ прошлымъ или пойдеть въ монастырь, гдѣ оно отрѣшится отъ своего я, или же убѣетъ себя, а ужъ никакъ не будетъ бродить гдѣ день, гдѣ ночь, безъ пристанища. Кромѣ скрывающагося важнаго преступника никто не станетъ бродягою, а если бы изъ 10.000 бродягъ и встрѣтился одинъ, совершившій пустое преступленіе, но предпосчитавшій понести тяжкое наказаніе, лишь бы имя его не фигурировало на судѣ, то объ этомъ, конечно, и нечего говорить, и этотъ единичный случай никакого вліянія на законодательство имѣть не можетъ. Говори, что бродягою можетъ быть лишь важный преступникъ, мы имѣемъ въ виду, что только преступнику, бѣжавшему съ каторжныхъ работъ, выгодно, при задержаніи, назваться бродягою. Всякому же другому, даже сосланному на жительство въ Сибирь и бѣжавшему оттуда, выгоднѣе открыть свою судимость, чѣмъ назваться бродягою. Итакъ сомнѣваться въ томъ, что въ каждомъ бродягѣ скрывается преступникъ—нѣтъ никакихъ основаній. Разъ это такъ, то объ опасности, угрожающей обществу отъ бродягъ, нечего и говорить—она сама собой разумѣется, и общество въ правѣ требовать отъ закона огражденія отъ 3000 каторжниковъ, ежегодно задерживаемыхъ подъ видомъ бродягъ. Мы знаемъ то безпокойство, которое испытываетъ общество, если одному или двумъ важнымъ преступникамъ удастся бѣжать изъ тюрьмы: во сколько же разъ должно увеличиться это чувство вполне основательнаго страха, когда среди общества находятся тысячи бѣжавшихъ каторжниковъ, которые не остановятся ни предъ какимъ преступленіемъ, которымъ терять уже нечего. Къ счастью законодатель, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера можетъ помочь дѣлу; въ рѣдкихъ преступленіяхъ онъ имѣетъ это счастье. Существованіе бродяжества почти единственно держится неправильностью налагаемаго за него наказанія (стр. 81—82). Назначая бродягѣ уголовное наказаніе, законодатель тѣмъ самымъ признаетъ его за тяжкаго преступника; иначе сказать, вполне допускаетъ безусловную вѣроятность того, что каждый бродяга—никто иной, какъ уголовный преступникъ. Но въ такомъ случаѣ наказаніе за бродяжество является слишкомъ слабымъ въ смыслѣ уголовной репрессіи (стр. 83)^а. По мнѣнію г. Селиванова, каждый юристъ-практикъ долженъ безусловно согласиться съ предложеніемъ предсѣдателя Ярославскаго окружнаго суда назначить за бродяжество ссылку въ каторжныя работы, причемъ отъ себя г. Селивановъ вноситъ въ это предложеніе оговорку, что сроки работъ должны обязательно отбываться бродягами, въ виду легкости побѣговъ съ каторжныхъ работъ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ или на островѣ Сахалинѣ (стр. 83, 90).

законодательствѣ въ объясненіяхъ Редакціонной Коммисіи (т. III, стр. 392—397) приводится рядъ соображеній, но ни одно изъ этихъ соображеній не отличается, казалось бы, большою убѣдительностью. Первый доводъ Редакціонной Коммисіи въ пользу необходимости измѣненія постановленій о бродягахъ заключается въ указаніи на несообразность примѣненія къ бродягамъ карательныхъ мѣръ въ судебномъ порядкѣ (стр. 392). Матерьялъ для этого положенія объяснительная записка черпаетъ изъ отзыва предсѣдателя Пензенскаго окружнаго суда, расходясь лишь съ авторомъ отзыва въ выводахъ. Предсѣдатель Пензенскаго суда, отмѣчая нецѣлесообразность разсмотрѣнія дѣлъ о бродягахъ на судѣ, высказывается за передачу сихъ дѣлъ въ вѣдѣніе административной власти; Редакціонная Коммисія изъ тѣхъ же посылокъ приходитъ къ заключенію о неудовлетворительности постановки бродяжества въ нашемъ законѣ. Второй доводъ заимствованъ Редакціонной Коммисіей также изъ области процесса; сводится онъ къ указанію на неправильность установившейся практики по вопросу о возобновленіи дѣлъ о бродягахъ, ограничивающей, съ одной стороны, возвращеніе бродягъ въ прежнее состояніе двухгодичнымъ срокомъ, съ другой, допускающей возможность оставленія бродяги безъ всякаго наказанія, даже освобожденія его отъ тюремнаго заключенія, хотя послѣднее, по мнѣнію составителей объяснительной записки, въ примѣненіи къ бродягамъ представляется справедливымъ возмездіемъ за сокрытіе подсудимымъ своего званія во время слѣдствія и суда (стр. 393—395). Большее отношеніе къ вопросу имѣетъ третій аргументъ составителей проекта, опирающійся на положеніе, что сокрытіе бродягою своего званія можетъ обуславливаться различными причинами и въ числѣ ихъ такими, которыя не въ состояніи оправдать примѣненія къ преступнику суровыхъ репрессивныхъ мѣръ: «Конечно—читаемъ въ объяснительной запискѣ (стр. 393)—при громадности территоріи нашего отечества и стомилліонной цифрѣ его населенія, побѣгъ изъ одной части государства въ другую и сокрытіе тамъ своего званія составляютъ для уголовныхъ преступниковъ легчайшій способъ избавленія отъ заслуженныхъ, нерѣдко весьма тяжкихъ, наказаній, такъ какъ полицейская и судебная власть, за рѣдкими и большею частью случайными исключеніями, бываютъ лишены возможности обнаружить скрываемаго бродягою имя и званіе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его прежнюю судимость. При такихъ условіяхъ, возможное усиленіе наказаній за бродяжество является однимъ изъ средствъ борьбы съ лицами, уклоняющимися отъ отвѣтственности за совершенныя ими тяжкія преступленія, и мѣрою предупрежденія уклоненія отъ суда и наказанія такихъ

преступниковъ, которымъ предстоятъ наказанія болѣе строгія, нежели опредѣленное за бродяжество. Но, при такой суровости положенной въ законъ кары за бродяжество, въ практикѣ нерѣдки случаи осужденія за это преступленіе лицъ, прибѣгающихъ къ сокрытію своего званія единственно для избавленія отъ тяжелой матеріальной или семейной обстановки или подъ вліяніемъ религіозныхъ заблужденій (секта бѣгуновъ) и по другимъ причинамъ». Наконецъ, послѣднее соображеніе, убѣждающее Редакціонную Коммисію въ правильности выставленнаго ею положенія, что «при всей сложности и многочисленности постановленій нашего законодательства о бродягахъ, дѣйствующая система не удовлетворяетъ ни цѣлямъ общественной безопасности, ни началамъ справедливости», заключается въ указаніи на то, что тюремное заключеніе при постановленіи приговора опредѣляется бродягамъ всегда въ одной и той же мѣрѣ, за совершенною неизвѣстностью побужденій, которыя заставляютъ обвиняемаго скрывать свое званіе, и невозможностью поэтому соразмѣрить тяжесть наказанія со степенью вины (стр. 395). Находя необходимымъ, въ виду приведенныхъ мотивовъ, измѣнить какъ наказаніе за бродяжество, такъ равно и самое опредѣленіе этого преступленія, Редакціонная Коммисія предположила, исходя изъ предъявляемаго закономъ къ каждому пребывающему въ Россіи лицу требованія представить, для удостовѣренія его личности надлежащія доказательства, признавать бродягою того, кто, проживая безъ надлежащаго вида тамъ, гдѣ онъ требуется по закону, не докажетъ своей самоличности и не будетъ притомъ имѣть ни опредѣленнаго мѣстожителѣства, ни ремесла или промысла или иныхъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни» (стр. 397)¹⁾. Въ качествѣ нормальнаго наказанія за бродяжество составители проекта признали достаточнымъ установить тюрьму, но при этомъ приняли на видъ, что могутъ быть случаи, когда лицо, обвиняемое въ бродяжествѣ, по тѣмъ обстоятельствамъ, при коихъ оно было задержано, будетъ внушать не только чрезвычайно сильное подозрѣніе, но почти увѣренность въ томъ, что оно совершило преступленіе или что готовится совершить таковое, или даже добываетъ себѣ преступленіемъ средства къ жизни (стр. 397). Къ такимъ квалифицирующимъ бродяжество обстоятельствамъ составители отнесли: 1) отказъ удостовѣрить свою личность или дачу о своей личности ложныхъ свѣдѣній; 2) нахожденіе ночью въ чужомъ обитаемомъ помѣщеніи или во дворѣ его, безъ вѣдома хозяина или

¹⁾ Въ текстѣ статьи 308 проекта Редакціонной Коммисіи слова: „не докажетъ своей самоличности“ опущены.

лица, заступающаго его мѣсто, и 3) имѣніе при себѣ, во время заарестованія или при обыскѣ, фальшивыхъ ключей, отмычекъ или оружія. Опредѣливъ за квалифицированное бродяжество исправительный домъ, составители проекта, въ предупрежденіе неправильнаго толкованія, сочли нужнымъ пояснить, что при наличности одного изъ перечисленныхъ условій, но при отсутствіи прочихъ признаковъ, входящихъ въ составъ бродячества, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда кто либо, будучи задержанъ безъ всякаго вида на жительство, откажется заявить о своемъ происхожденіи или прежнемъ мѣстѣ жительства или дать о семъ завѣдомо невѣрные указанія, но въ то же время будетъ имѣть или опредѣленное мѣсто жительства, или опредѣленные средства къ жизни, или ремесло, или промыселъ, виновный можетъ подлежать наказанію лишь за прожительство безъ установленнаго вида или за противодѣйствіе власти (ст. 97 и 98 проекта) или правосудію (ст. 124, 128), но не за бродяжество (стр. 398).

Предположенія Редакціонной Коммисіи относительно измѣненія состава бродячества были встрѣчены нашей ученой критикой въ общемъ весьма сочувственно. Опубликованіе составленнаго Коммисіей окончательнаго проекта уголовного уложенія въ 1895 году совпало съ Парижскимъ пенитенціарнымъ конгрессомъ, въ программу котораго входилъ между прочимъ вопросъ о нищенствѣ и бродяжествѣ, какъ наказуемыхъ проступкахъ. Въ докладѣ, представленномъ конгрессу отъ имени С.-Петербургскаго юридическаго общества, В. Д. Набоковъ, не входя въ детальное разсмотрѣніе проектированнаго Коммисіей опредѣленія бродячества, признаетъ опредѣленіе это достаточно полнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично протестуетъ противъ приведенныхъ выше отзывовъ юристовъ-практиковъ, требующихъ усиленія наказаній за бродяжество и защищающихъ постановку бродячества въ дѣйствующемъ правѣ. Не отрицая логическихъ достоинствъ мнѣнія, согласно которому за бродяжество должно быть установлено высшее уголовное наказаніе, дабы скрывающему преступленіе не было разсчета подвергаться ему, В. Д. Набоковъ находитъ, что авторъ этого мнѣнія не доводитъ своей мысли до конца: очевидно, разъ существуютъ въ уложеніи преступленія, караемыя смертной казнью, то по приведеннымъ соображеніямъ, т. е. чтобы и тутъ «разсчета не было», надлежитъ установить за бродяжество смертную казнь. Отысканіе нераскрытыхъ виновниковъ преступленій—читаемъ въ докладѣ—должно быть достигаемо не бессмысленно драконовскими мѣрами относительно бродягъ, а улучшеніемъ слѣдственной части,

полиции, словомъ, всѣхъ тѣхъ органовъ, которымъ порученъ розыскъ. Нужно безусловно отказаться отъ того взгляда, по которому тяжесть наказаній за бродяжество должна сообразоваться съ предполагаемой тяжестью скрываемого преступленія. Взглядъ этотъ противорѣчитъ основному положенію, согласно которому отвѣтственность можно нести только за доказанную вину ¹⁾).

Рефератъ В. Д. Набокова предварительно представленія Парижскому конгрессу былъ заслушанъ въ засѣданіи уголовного отдѣленія юридическаго общества 25 Ноября 1894 года. Насколько можно судить изъ протокола засѣданія, положенія докладчика вполне совпали въ общемъ со взглядами большинства членовъ общества, присутствовавшихъ на засѣданіи; поставленные предсѣдательствовавшимъ на баллотировку отдѣльные вопросы по содержанію заключенія были приняты отдѣленіемъ единогласно ²⁾).

Нѣсколько лѣтъ спустя вопросъ о бродяжествѣ снова явился предметомъ преній въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, по докладу, прочитанному въ засѣданіи уголовного отдѣленія 21 Февраля 1898 года А. А. Жижиленко ³⁾. Остановившись нѣсколько болѣе подробно на вопросѣ о бродяжествѣ по русскому праву, чѣмъ первый докладчикъ, А. А. Жижиленко высказался столь же рѣшительно, какъ и В. Д. Набоковъ, противъ постановленій о бродяжествѣ дѣйствующаго законодательства, построенныхъ на предположеніи, что всякій бродяга непременно тяжкій уголовный преступникъ: „Едва ли стоитъ что-нибудь возражать противъ этого мнѣнія—говоритъ А. А. Жижиленко въ своемъ докладѣ ⁴⁾—съ тѣхъ поръ, какъ наука уголовного права отказалась отъ всякихъ ни на чемъ не основанныхъ презумпцій. Конечно, можетъ случиться, что бродяга въ данномъ случаѣ имѣетъ преступное прошлое, которое онъ старается скрыть, но возводить это въ общее правило нельзя, особенно при томъ формальномъ характерѣ преступленія, какъ оно очерчено въ уложеніи“. Эта презумпція закона—продолжаетъ онъ—тѣмъ болѣе неумѣстна, что побѣгъ изъ Сибири составляетъ у насъ самостоятельное преступленіе и, какъ видно изъ статьи 313 уложенія, каторжные и ссыльно-поселенцы судятся за это по особымъ правиламъ, постановленнымъ въ уставѣ о ссыльныхъ, а сосланные на житіе въ Сибирь или отдаленныя губерніи, по воз-

¹⁾ Набоковъ, *ibidem*, стр. 54—56.

²⁾ Журн. Юрид. Общ. 1896 г., кн. 4, стр. 19—23.

³⁾ Журн. Юрид. Общ. 1898 г., кн. 5, стр. 47—52.

⁴⁾ Жижиленко, *ibidem*, стр. 191.

вращеніи въ назначенныя для ссылки ихъ мѣста, подвергаются въ наказаніе за побѣгъ тюремному заключенію. Далѣе статья 63 предусматриваетъ самовольное оставленіе мѣста, назначеннаго для жительства по законному распоряженію судебной или правительственной власти. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ дѣйствительными, а не съ предполагаемыми преступниками¹⁾. Обращаясь къ опредѣленію бродяжества, проектированному Редакціонной Коммисіей по составленію новаго уголовного уложенія, А. А. Жижиленко находитъ, что хотя это опредѣленіе, по сравненію съ опредѣленіемъ дѣйствующаго права, представляется и значительнымъ шагомъ впередъ, тѣмъ не менѣе и оно страдаетъ значительными дефектами. По его мнѣнію, понятіе бродяжества у насъ должно быть построено совершенно такъ же, какъ оно строится на западѣ. Непиміе вида на жительство можетъ составить самостоятельный проступокъ, который, въ случаѣ совокупности съ бродяжествомъ, долженъ усиливать наказуемость за послѣднее, но вводить этотъ формальный признакъ въ самое понятіе преступленія нѣтъ основанія: иначе многіе дѣйствительные случаи бродяжества останутся безнаказанными²⁾.

Съ значительно меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ юристы-теоретики, отнеслись къ предположеніямъ Редакціонной Коммисіи относительно измѣненія существа бродяжества правительственные органы, въ которые составленный Коммисіей проектъ поступилъ на обсужденіе—Министерство Юстиціи и Государственный Совѣтъ. И въ представленіи Министра Юстиціи и въ журналѣ Особаго Совѣщанія, образованнаго для разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія при Государственномъ Совѣтѣ, въ разсужденіяхъ по вопросу о бродяжествѣ замѣчается одна тенденція—перенести въ новое уголовное уложеніе постановленія о бродяжествѣ, по возможности, безъ отступленій отъ дѣйствующаго права: „Первый пунктъ статьи 309 проекта Редакціонной Коммисіи—читаемъ въ представленіи Министра Юстиціи (стр. 170)—предусматриваетъ дѣяніе, соотвѣтствующее понятію бродяжества по дѣйствующему закону, за исключеніемъ лишь того вида бродяжества, который заключается въ непиміи средствъ доказать

¹⁾ Ср. *Неклюдовъ*, *ibidem*, стр. 543.

²⁾ Указанія на несправедливость и чрезмѣрную строгость наказаній, опредѣляемыхъ за бродяжество дѣйствующимъ законодательствомъ, встрѣчались и ранѣе въ литературѣ. См.: *Лохвицкій*, Курсъ русскаго уголовного права, изд. 2, стр. 447—448; *Неклюдовъ*, *ibidem*, стр. 541—544; *Будзинскій*. О преступленіяхъ въ особенности, стр. 345—346.

настоящее свое состояніе или званіе“. Такимъ образомъ, если не считать этотъ послѣдній видъ бродяжества, то первый пунктъ проектированной статьи имѣетъ предметомъ преступныя дѣянія, нынѣ подлежащія наказанію по статьямъ 951 и 952, и отличается отъ дѣйствующаго закона лишь по наказанію, имъ опредѣляемому. Согласно п. I ст. 309, виновный въ бродяжествѣ подлежитъ исправительному дому на срокъ до шести лѣтъ. Означенное наказаніе, по силѣ репрессіи, не можетъ не быть признано достаточнымъ. Но для всесторонней оцѣнки сего наказанія слѣдуетъ принять въ соображеніе, что преступленіе бродяжества у насъ имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, существенно отличающій его отъ того же преступнаго дѣянія въ западноевропейскихъ государствахъ. Возникшее первоначально на почвѣ крѣпостнаго права, съ одной стороны, и тяжелыхъ условій военной службы прежняго времени, съ другой—бродяжество и впослѣдствіи, послѣ освобожденія крестьянъ и введенія всеобщей воинской повинности, тѣмъ не менѣе не только не сократилось, но и не потеряло своего специфическаго характера-сокрытія личности. Причины этого явленія несомнѣнно лежатъ въ нѣкоторыхъ бытовыхъ, а, главное, географическихъ особенностяхъ нашего отечества. При громадности его территоріи побѣгъ изъ одной части государства въ другую и сокрытіе своего званія составляютъ для уголовныхъ преступниковъ легчайшій способъ избавленія отъ заслуженныхъ, нерѣдко весьма тяжкихъ, наказаній, такъ какъ полицейская и судебная власть, за немногими и большею частью случайными исключеніями, бываетъ лишена возможности обнаружить скрываемаго бродягого имя и званіе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его прежнюю судимость. При такихъ условіяхъ одного установленнаго въ проектѣ за этотъ видъ бродяжества наказанія представляется недостаточно для борьбы съ лицами, которыя являются наиболѣе опасными врагами общественной безопасности. Отбывъ болѣе или менѣе продолжительное наказаніе лишеніемъ свободы, лицо, изблеченное въ бродяжествѣ, по выходѣ изъ исправительнаго дома, если оно не обнаружило своего дѣйствительнаго происхожденія, или таковое не было открыто, остается въ томъ же положеніи бродяги, скрывающаго свою личность, а потому въ интересахъ общественной безопасности, не можетъ пользоваться тою свободою, какая предоставляется всѣмъ отбывшимъ исправительный домъ преступникамъ. Не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ, которыя вызвала бы приписка такихъ отбывшихъ срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ бродягъ и снабженіе ихъ видами на жительство, самое предоставленіе бродягамъ права свободнаго про-

живанія въ предѣлахъ Имперіи можетъ грозить государству и обществу серьезною опасностью. Посему, если и возможно сохранить для бродягъ указанной категоріи предполагаемое въ проектѣ наказаніе, то оно во всякомъ случаѣ требуетъ дополнительнаго постановленія о томъ, что тѣ изъ указанныхъ въ п. 1 ст. 309 бродягъ, званіе которыхъ, по отбытіи срока исправительнаго дома, не будетъ обнаружено, подвергаются высылкѣ въ Сибирь по правиламъ, въ уставѣ о ссыльныхъ изложеннымъ“. Изъ приведенныхъ соображеній видно, что, по предположеніямъ Министерства Юстиціи, постановленіе о квалифицированномъ бродяжествѣ новаго уголовного уложенія, которымъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи имѣлось въ виду замѣнить правила о бродягахъ дѣйствующаго права, должно было: 1) въ диспозитивной части своей совпадать съ опредѣленіемъ бродяжества уложенія о наказаніяхъ, если исключить изъ послѣдняго тотъ видъ бродяжества, который характеризуется отсутствіемъ средствъ доказать свою самоличность, и 2) имѣть санкціей заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ до 6 лѣтъ съ послѣдующею высылкою въ Сибирь.

Измѣненія, внесенныя въ постановленія о бродяжествѣ Особымъ Совѣщаніемъ, отразились главнымъ образомъ на терминологіи: Особое Совѣщаніе не нашло возможнымъ согласиться съ предположеніями Редакціонной Коммисіи о распространеніи въ новомъ уложеніи понятія бродяжества на дѣянія, не обнимаемыя этимъ терминомъ въ дѣйствующемъ правѣ. По дѣйствующему закону, говорится въ журналѣ Особого Совѣщанія (стр. 291), бродягами признаются лица, упорно отказывающіяся или не имѣющія средствъ доказать свое настоящее состояніе или званіе. Въ этихъ собственно предѣлахъ понятіе бродяжества находитъ себѣ историческое объясненіе и бытовое обоснованіе наказуемости, какъ то подробно изложено въ объяснительной къ проекту запискѣ Коммисіи (т. III, стр. 387 и слѣд.) и затѣмъ въ представленіи Министерства Юстиціи (стр. 170 и слѣд.). Вполнѣ раздѣляя соображенія по сему предмету Коммисіи и Министерства Юстиціи, Особое Совѣщаніе, съ своей стороны, не усмотрѣло въ современной дѣйствительности достаточныхъ данныхъ для расширенія вышеобъясненнаго исторически сложившагося понятія бродяжества отнесеніемъ къ оному, соотвѣтственно предположенію Коммисіи, такихъ преступныхъ дѣяній, какъ перечисленныя въ 244 статьѣ (проекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ): проживаніе безъ вида на жительство и безъ опредѣленнаго мѣста жительства, ремесла, промысла, либо иныхъ опредѣленныхъ занятій, или же безъ средствъ къ жизни. По мнѣнію Особого Совѣщанія, такое проживаніе обывателя, хотя само по себѣ и нала-

гасть на него извѣстный отпечатокъ неблагонадежности, однако, не вызываетъ тѣхъ мрачныхъ подозрѣній, съ которыми сопряжено упорное заpiresательство бродяги относительно своего происхожденія, прошлой жизни и даже самаго имени, и которыя издавна вызывали и вызываютъ понынѣ строгія кары противъ бродяжества. По различію подозрѣній, навлекаемыхъ лицами, указанными въ статьѣ 244 проекта, съ одной стороны, и въ слѣдующей 245 статьѣ, съ другой,—цѣлесообразно по отношенію къ первымъ ввести въ наше законодательство новое понятіе „праздношатанія“, сохранивъ за бродяжествомъ исторически присущую ему черту—сокрытіе личности виновнаго¹⁾. Исходя изъ этой мысли, Особое Совѣщаніе приходитъ далѣе вполне послѣдовательно къ заключенію о необходимости разсединенія двухъ видовъ преступности, соединенныхъ, по его мнѣнію, чисто внѣшнимъ образомъ въ 245 статьѣ—отказа виновнаго удостовѣрить свою личность или дачи о ней ложныхъ свѣдѣній и задержанія ночью подозрительнаго лица въ чужомъ помѣщеніи безъ вѣдома хозяина или лица, заступающаго его мѣсто, съ выдѣленіемъ перваго изъ указанныхъ проступковъ въ особую статью и съ сохраненіемъ за вторымъ значенія обстоятельства, квалифицирующаго праздношатаніе (журналъ, стр. 292), но при этомъ, казалось-бы, совершенно непослѣдовательно замѣчаетъ: каждый изъ двухъ предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 245 видовъ преступности „представляетъ совершенно особый случай нарастанія виновности во вновь создаваемомъ, по мысли Особого Совѣщанія, преступномъ дѣяніи—праздношатаніи“. Непослѣдовательность этого вывода доказывается, повидимому, достаточно ясно, во первыхъ, тѣмъ, что въ предшествующихъ, только что изложенныхъ, соображеніяхъ Особого Совѣщанія нѣтъ и намека на связь праздношатанія съ бродяжествомъ,—напротивъ того, они даютъ полное основаніе придти къ заключенію, что, по мнѣнію Особого Совѣщанія, праздношатаніе и бродяжество совершенно различные по своему содержанію проступки, во вторыхъ, тѣмъ, что, если смотрѣть на бродяжество, какъ на одинъ изъ случаевъ „нарастанія виновности въ праздношатаніи“, то, въ противоположность приведенному замѣчанію Особого Совѣщанія, бродяжество, очевидно, необходимо признавать такимъ же квалифицированнымъ видомъ праздношатанія, какъ и задержаніе ночью въ чужомъ обитаемомъ помѣщеніи праздношатающагося лица. Не вызвавъ замѣчаній со стороны разсматривавшаго засимъ проектъ уголовного уло-

¹⁾ Ср. *Семивановъ*, *ibidem* кн. 3, стр. 74; кн. 4, стр. 77 и слѣд.

женія Особого Присутствія Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Палена, предложенія Особого Совѣщанія относительно бродяжества были приняты Общимъ Собраніемъ и въ статьяхъ 274 и 275 новаго уголовного уложенія, Высочайше утвержденного 22 Марта, получили силу закона.

III.

Въ то самое время, когда проектъ уголовного уложенія разсматривался Особымъ Совѣщаніемъ, Государственному Совѣту пришлось, между тѣмъ, войти въ обсужденіе вопроса объ усиленіи репрессій за бродяжество и изысканіи наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ нимъ при разсмотрѣніи совершенно другого законопроекта, а именно представленія Министерства Юстиціи отъ 25 марта 1900 года по вопросу объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки. Измѣненія, внесенныя въ Уложеніе о Наказаніяхъ въ опредѣленія о бродяжествѣ закономъ 12 іюня 1900 г., для уясненія и оцѣнки постановки этого преступленія въ новомъ уголовномъ уложеніи представляютъ особый интересъ потому, что, съ одной стороны, законъ 12 іюня можетъ, по справедливости, считаться не только послѣднимъ, но и наиболѣе яркимъ и законченнымъ выраженіемъ взгляда законодателя на дѣйствительное значеніе бродяжества въ современной русской жизни, а съ другой — въ выработкѣ этого закона принимали участіе тѣ же правительственные органы, которымъ принадлежитъ и послѣдняя, получившая законодательную санкцію, редакция постановленій о бродяжествѣ новаго уголовного уложенія, — Министерство Юстиціи и Государственный Совѣтъ. Обсужденію предложеній объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ усиленіи репрессій за бродяжество въ Государственномъ Совѣтѣ предшествовало, какъ извѣстно, подробное и весьма широко постановленное изслѣдованіе этихъ вопросовъ въ особой, образованной по Высочайшему повелѣнію, Комисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, въ которой принимали между прочимъ участіе два члена Редакціонной Комисіи по составленію новаго уголовного уложенія; вопросъ о бродяжествѣ вызвалъ въ Комисіи споръ; было высказано два мнѣнія, и хотя одно изъ этихъ мнѣній представлялось только однимъ голосомъ, тѣмъ не менѣе для всесторонняго освѣщенія вопроса и въ виду научнаго авторитета лица, которому принадлежало это мнѣніе, на дебатахъ, происходившихъ въ Комисіи по вопросу о

бродяжествъ, и вообще на исторіи измѣненій, внесенныхъ въ постановленія объ отвѣтственности за это преступленіе закономъ 12 іюня 1900 г., необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться, тѣмъ болѣе, что въ работахъ, предшествовавшихъ изданію этого закона, содержатся весьма цѣнныя данныя, отлично освѣщающія разсматриваемый вопросъ съ бытовой стороны.

Исторія вопроса объ усиленіи наказаній за бродяжество ведетъ свое начало почти съ того же времени, когда, въ силу указанныхъ выше причинъ, а именно недостатка мѣстъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ, единственнымъ и нормальнымъ наказаніемъ за бродяжество явилось водвореніе въ Сибирь (поселеніе бродягъ за Кавказомъ отмѣнено въ 1867 году). Уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ начали поступать представленія мѣстныхъ начальствъ о необходимости повышенія репрессіи за это преступленіе, установленія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ нимъ. Надлежащее движеніе вопросъ этотъ получилъ, однако, только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, по возвращеніи въ Петербургъ командированнаго въ 1881 году, по Высочайшему повелѣнію, для ознакомленія на мѣстахъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ каторги и ссылки Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія ¹⁾. Указавъ на ненормальность условій отбыванія уголовного наказанія лишенными всѣхъ правъ состоянія преступниками, Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, въ представленной имъ запискѣ по обозрѣнію тюремной части въ Сибирь, признавалъ необходимымъ, въ видахъ сохраненія за каторгой особаго характера ссылки, тяжкихъ вѣншихъ работъ и строгаго тюремнаго заключенія, равно предотвращенія осужденнымъ въ каторжныя работы возможности совершать побѣги, локализовать ссылку преступниковъ на островъ Сахалинъ и въ Забайкальской области и въ то же время установить за бродяжество

¹⁾ Въ запискѣ о ссылкѣ, представленной Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія Министру Внутреннихъ Дѣлъ 28 декабря 1886 года [напечатана въ справкѣ „по вопросу о значеніи ссылки какъ наказанія“ (стр. 46—79), составленной Государственною Канцелярією въ 1900 году при разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ проекта новаго уголовного уложенія], имѣются указанія, что еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было выработано предположеніе объ измѣненіи наказанія за бродяжничество и о замѣнѣ присуждаемой за оное ссылки на водвореніе ссылкой въ каторжныя работы на болѣе продолжительные сроки, не получившее разрѣшенія, въ виду предпринятаго общаго пересмотра уголовныхъ законовъ (стр. 74).

самую высшую мѣру наказанія ¹⁾. Первое изъ этихъ предположеній тогда же получило осуществленіе. Что же касается одобреннаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекта Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія замѣнить для бродягъ ссылку на водвореніе въ Сибирь ссылкой въ каторжныя работы съ сосредоточеніемъ всѣхъ осужденныхъ за это преступленіе на островѣ Сахалинѣ, то эта мѣра встрѣтила нѣкоторыя возраженія со стороны Министерства Юстиціи, которому вопросъ этотъ былъ дважды сообщаемъ на заключеніе въ 1882 и 1886 годахъ ²⁾. Возраженія Министерства Юстиціи были направлены, впрочемъ, только противъ предположенія установить за бродяжество въ законѣ каторжныя работы. Съ необходимостью устраненія условій, дѣлающихъ недѣйствительнымъ наказаніе, опредѣляемое за это преступленіе,—условія, заключающіяся въ полномъ отсутствіи надзора за водворенными бродягами и простирающейся отсюда легкости побѣговъ,

¹⁾ Повторяя это предложеніе нѣсколько лѣтъ спустя, Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Галкинъ-Враскій, между прочимъ, говоритъ (*ibidem* стр. 55—56): „... Изъ года въ годъ передвигаются по тракатамъ и тюрьмамъ Россійской Имперіи тысячи людей, познавшихъ льготы, которыя они могутъ извлечь изъ устарѣвшаго закона, съ циническою откровенностью смѣющихся надъ правосудіемъ и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изобличаемыхъ въ ихъ дѣйствительномъ званіи, благодаря смѣлости и находчивости чиновъ тюремной администраціи и полиціи. Во всѣхъ пересыльных тюрьмахъ эти бродяги, слѣдующіе на водвореніе, держатъ въ негласномъ повиновеніи себя всю арестантскую среду, знакомятъ ее заранѣе со всѣми особенностями сибирской ссылки научаютъ—гдѣ и какъ съ наибольшими шансами на безнаказанность избавиться отъ присужденнаго наказанія или, какъ выражается ссылный, „перемѣнить свою участь“, то-есть обратиться изъ каторжнаго въ бродягу и затѣмъ въ ссылно-водворяемаго. Этотъ видъ ссылныхъ, по истинѣ, наиболѣе опасный врагъ общественной безопасности и правосудія, и современное состояніе ссылки на водвореніе, по справедливости, является однимъ изъ главнѣйшихъ основаній громаднаго количества побѣговъ съ каторги на материкъ Азіатской Россіи“.

²⁾ Мѣстными главными начальствами предположенія Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія были встрѣчены очень сочувственно (отзывы ихъ напечатаны въ той же справкѣ, стр. 80—83). По поводу проектированнаго усиленія наказанія за бродяжество Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ заявилъ, „что мѣра эта сразу уменьшитъ число бродягъ до несравненно низшей цифры, а вмѣстѣ съ этимъ облегчится возможность надзора за этимъ людомъ, нынѣ наводняющимъ всѣ сибирскія дороги и тропы, и ловить который не достало бы не только никакой полиціи, но и наличныхъ силъ всего населенія. Весь контингентъ преступниковъ, приговариваемыхъ нынѣ къ ссылкѣ на водвореніе,—полагалъ баронъ Корфъ—отпадетъ въ самомъ скоромъ времени и поэтому принимать его въ расчетъ даже вовсе не слѣдуетъ, кромя развѣ первыхъ одного или двухъ лѣтъ“ (*ibidem*, стр. 80).

Министерство Юстиціи вполнѣ соглашалось, но полагало, что эта цѣль могла бы быть достигнута и безъ усиленія наказаній за бродяжество—водвореніемъ ихъ въ такой мѣстности, побѣгъ изъ коей былъ бы сопряженъ съ наибольшими трудностями, а именно на островѣ Сахалинѣ. Такъ какъ Министерство Юстиціи предполагало при этомъ, что водворенные на Сахалинѣ бродяги не будутъ оставлены безъ занятій, и что бродяги, не нашедшіе себѣ частныхъ заработковъ, на точномъ основаніи закона, по распоряженію администраціи, будутъ употребляться на всякаго рода работы, въ томъ числѣ и на менѣе тяжкіе виды каторжныхъ работъ, и въ то же время принимало во вниманіе, что и при установленіи за бродяжество ссылки въ каторжные работы осужденные бродяги чрезъ нѣкоторое время водворенія на островѣ Сахалинѣ должны были бы обращаться въ то же положеніе ссыльно-поселенцевъ, то оно имѣло полное право сказать, какъ оно и сдѣлало это въ своемъ отзывѣ (12 февраля 1887 года, № 5010) что предложенныя имъ мѣры мало чѣмъ разнились отъ предположеній Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія.

Въ представленіи объ ограниченіи ссылки, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ 26 февраля 1888 года за подписями Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, статью 951 улож. наказ. предполагалось изложить такъ: „Бродяга, называющій себя непомнящимъ родства, или же подъ инымъ какимъ либо предлогомъ упорно отказывающійся объявить о своемъ состояніи или званіи и постоянномъ мѣстѣ жительства, присуждается: къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года, потомъ же водворяется въ Восточной Сибири или Пріамурскомъ краѣ, по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Женщины отдаются въ тюрьмы на тотъ же срокъ и потомъ отправляются на водвореніе въ Сибирь..... *Примѣчаніе.* Бродяги, признаваемые негодными къ работамъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, не освобождаются отъ содержанія въ сихъ мѣстахъ заключенія, но употребляются въ оныхъ на занятія, соотвѣтствующія ихъ силамъ и состоянію здоровья“... Въ разсмотрѣніе существа этого предположенія Государственный Совѣтъ въ то время, однако, не вошелъ, такъ какъ, остановившись сначала на финансовой сторонѣ вопроса призналъ, что принятіе указанной мѣры, находившейся въ связи съ предположеніями объ ограниченіи судебной ссылки, должно было бы увеличить численность тюремнаго населенія приблизительно на 16670 человекъ ежегодно, что, въ свою очередь, повлекло бы за собою новыя постоянныя расходы казны въ количествѣ около 1.475.738 р. въ годъ, независимо отъ единовременныхъ затратъ на устройство по-

выхъ и расширеніе существующихъ тюремныхъ помѣщеній въ суммѣ до 5.000.000 руб. Находя, что въ то трудное для русскихъ финансовъ время увеличеніе государственныхъ расходовъ могло бы было быть допущено только на удовлетвореніе неотложныхъ потребностей, и не признавая такого значенія за вопросомъ объ ограниченіи судебной ссылки и усиленіи уголовной отвѣтственности за бродяжество, Государственный Совѣтъ поручилъ Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, по взаимному между ними соглашенію, войти въ новое соображеніе вопросовъ объ ограниченіи ссылки въ Сибирь на поселеніе, объ отмѣнѣ ссылки на житіе въ Сибирь и другія отдаленныя губерніи и объ измѣненіи наказаній за бродяжество, съ тѣмъ, чтобы предположенія по этимъ предметамъ, въ связи съ соображеніями о срокѣ приведенія въ дѣйствіе проектированныхъ мѣръ, о необходимыхъ для сего средствахъ и о вызываемыхъ означенными мѣрами измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ уголовномъ законодательствѣ внесены были на уваженіе Государственного Совѣта (журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственного Совѣта 16 и 18 апрѣля и 9 мая 1888 года, № 60).

Хотя въ слѣдующемъ же 1889 году между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи состоялось соглашеніе о выдѣленіи вопроса объ усиленіи отвѣтственности за бродяжество изъ числа вопросовъ, возбуждавшихся предположеніями объ измѣненіи объема судебной ссылки, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ оставался безъ движенія до 1895 года, когда онъ былъ вторично возбужденъ Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія, опять таки по возвращеніи его изъ поѣздки въ Сибирь и на островъ Сахалинъ. По соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи, 5 мая 1895 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ изданъ циркуляръ, коимъ губернаторамъ предлагалось, въ видѣ временной мѣры: 1) тѣхъ изъ осужденныхъ за бродяжество, не старѣе 50 лѣтъ, исключая евреевъ, которые, по медицинскому освидѣтельствованію, окажутся здоровыми и годными къ работамъ, направлять въ пересыльныя тюрьмы для высылки ихъ затѣмъ на островъ Сахалинъ и 2) хронически больныхъ и неспособныхъ къ работамъ бродягъ оставлять въ больницахъ или отсылать, на основаніи существующихъ законоположеній, для поселенія въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Начальству острова Сахалина вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено высланныхъ на Сахалинъ бродягъ подвергать принудительнымъ работамъ наравнѣ съ ссыльно-каторжными—задержанныхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи въ теченіе 1½ года, а задержанныхъ въ Сибири въ теченіе 4 лѣтъ, на основаніи правилъ о временныхъ

заводскихъ работниковъ и водворяемыхъ рабочихъ (уст. ссыльн., ст. 321, 507). Какъ свидѣтельствуетъ авторъ officialнаго труда „Ссылка въ Сибирь“, изданнаго въ 1900 году Комиссіей о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки (стр. 277), циркуляръ 1895 года былъ для бродягъ крупной несприятностью. Многіе непомнящіе родства стали тотчасъ же его припоминать и обращаться въ простыхъ безписменныхъ. Согласно цифровымъ даннымъ, приведеннымъ въ журналахъ комиссії (стр. 17), въ томъ же самомъ году ежегодное число ссылаемыхъ за бродяжество, превышавшее до того 1000 чел., сразу сократилось до 491 чел., а въ 1898 и 1899 годахъ не превышало и 300 чел. въ годъ.

Образованная въ 1899 году, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Комиссія о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, приступивъ къ разрѣшенію вошедшаго въ программу ея вопроса объ отмѣнѣ ссылки на водвореніе и измѣненіи наказаній за бродяжество, какъ и слѣдовало ожидать, придала большое значеніе результатамъ циркуляра 1895 г. Опытъ примѣненія этого циркуляра на практикѣ показалъ, по мнѣнію Комиссії, что преступленіе бродяжества сравнительно легко поддается уголовной репрессіи, если эта репрессія примѣняется въ пѣлесообразной формѣ. Разсчитывая на то, что съ проектированной Комиссіей почти полной отмѣной ссылки на поселеніе число бродягъ должно еще значительно сократиться, Комиссія приняла, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе, что такъ какъ отмѣна каторги не предполагается, то будущій контингентъ бродягъ, наряду съ количественнымъ уменьшеніемъ, окажется, по всей вѣроятности, качественно концентрированнымъ, т. е. будетъ состоять почти сплошь изъ присужденныхъ къ высшему наказанію тяжкихъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Признавая себя обязанной поэтому отнестись къ вопросу объ установленіи за бродяжество такого наказанія, посредствомъ котораго съ этимъ преступленіемъ можно было бы успѣшно бороться, съ особымъ вниманіемъ, Комиссія прежде всего единогласно рѣшила возстановить прежнее основное наказаніе за бродяжество—отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года съ установленіемъ для бродягъ особаго порядка отбыванія этого наказанія, отличающагося болѣе суровымъ тюремнымъ режимомъ, воспрещеніемъ вывода ихъ на вѣншія работы, перевода въ разрядъ исправляющихся, а слѣдовательно, и сокращенія имъ срока заключенія. „Подобное наказаніе, по мнѣнію Комиссії — читаемъ въ ея журналѣ (стр. 18)—будетъ имѣть весьма устрашающее значеніе для такихъ тунеядцевъ, привыкшихъ къ праздности людей, какими являются боль-

шинство бродягъ, и по всей вѣроятности поведетъ къ обнаруженію многими изъ нихъ своего истиннаго происхожденія“. Затѣмъ, въ виду доказаннаго опытомъ цѣлесообразнаго вліянія высылки бродягъ на островъ Сахалинъ на сокращеніе ихъ ежегоднаго числа, Комиссія остановилась на вопросѣ, надлежитъ ли эту мѣру примѣнять и на будущее время, или ссылка на водвореніе должна быть отмѣнена, и наказаніе бродягъ ограничено только тяжкимъ видомъ срочнаго заключенія. При разрѣшеніи этого вопроса въ средѣ Комиссіи произошло разногласіе. Одинъ членъ Комиссіи, И. Я. Фойницкій, высказался противъ предположенія наказывать бродягъ, званіе коихъ не обнаружено, ссылкой на водвореніе или на поселеніе, причемъ въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи подробно развилъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ онъ не находитъ возможнымъ согласиться на примѣненіе къ бродягамъ пожизненной ссылки (приложеніе № 2 къ журналамъ Комиссіи, стр. 118—124). По мнѣнію И. Я. Фойницкаго, установленіе пожизненной ссылки для бродягъ за сокрытіе своего происхожденія не только не имѣетъ за себя правовыхъ основаній, но не можетъ быть оправдано даже и утилитарными соображеніями, хотя такіе институты, какъ наказаніе, казалось бы, не могутъ опираться исключительно на соображенія подобнаго рода. Въ доказательство того, что пожизненная ссылка въ примѣненіи къ бродягамъ не имѣетъ за себя правовыхъ основаній, И. Я. Фойницкій прежде всего указываетъ на то, что „для людей, стремящихся путемъ заперательства личности скрыть свое преступное прошлое, пожизненная ссылка представляется наказаніемъ несправедливымъ, частью въ виду того, что скрываемыя ими преступленія далеко неодинаковы, такъ что было бы неправильно подвергать ихъ за одинъ фактъ заперательства одному и тому же наказанію, частью и потому, что съ началами современнаго уголовного процесса въ глубокомъ противорѣчій стоитъ примѣненіе къ обвиняемому наказаній за попытки его скрыть свою виновность. Для раскрытія ея въ распоряженіи государства имѣются нынѣ многообразные способы, до фотографіи и антропологическихъ измѣреній включительно, и одно лишь несовершенство примѣняемыхъ государствомъ для этой цѣли способовъ отнюдь не можетъ создавать вины на сторонѣ частнаго лица, получающаго или могущаго получить отъ такого несовершенства какія либо выгоды“. Далѣе, находитъ И. Я. Фойницкій, предположеніе о наказуемости бродягъ ссылкой на водвореніе или на поселеніе опирается на мысль, что бродяги, отказывающіеся обнаружить свое истинное происхожденіе, принадлежатъ къ опаснымъ для общества рецидивистамъ, прибѣгающимъ къ такому заператель-

ству для сокрытія своей тяжкой преступности или даже присужденія ихъ къ тяжкому наказанію, именно, главнымъ образомъ къ каторгѣ, и что они всегда могутъ обнаружить свое происхожденіе. „Въ дѣйствительности же—говоритъ онъ—кромѣ стремленія скрыть свои преступность и судимость, весьма часто многія другія причины настоятельно побуждаютъ человѣка скрывать свое происхожденіе или даже лишаютъ его возможности доказать таковое при всей его къ тому доброй волѣ. Причинами этими особенно богаты бытовыя условія нашей жизни. Сюда можно отнести: религіозный фанатизмъ, на почвѣ котораго вырастаетъ у насъ паломничество, странничество и отрицаніе паспортной системы; семейныя драмы и домашнія огорченія всякаго рода, въ высшихъ проявленіяхъ своихъ способны доводить человѣка до самоубійства физическаго или до самоубійства гражданскаго, выражающагося въ рѣшимости разстаться со своимъ именемъ и поставить крестъ на прошломъ; огорченія нераздѣленной любви; наконецъ, и иного рода личныя или даже имущественныя бѣдствія, оказывающія порою до того могучее психическое вліяніе на человѣка, имъ подвергнувшагося, что онъ не останавливается передъ полнымъ разрывомъ со всѣмъ прежнимъ, если не для избѣжанія, то по крайней мѣрѣ для смягченія ихъ постоянного напора, и одѣваетъ на себя маску. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, очевидно, сокрытіе прежняго имени и принятіе новаго само по себѣ не только не представляетъ для общегитія какой либо опасности, но даже, напротивъ, очень часто дѣлается въ цѣляхъ облегчить себѣ возможность честнаго и спокойнаго гражданственнаго существованія, что для общегитія можетъ быть только полезно. Для того, чтобы защищать противоположное положеніе и утверждать, что всѣ или почти всѣ бродяги, скрывающіе свое происхожденіе, тѣмъ самымъ скрываютъ свои прежнія преступленія и приобѣгаютъ къ этому для избѣжанія наказанія, слѣдовало бы представить соотвѣтствующія данныя о томъ, кѣмъ въ дѣйствительности оказывались люди, судившіеся и осужденные за бродяжество, когда происхожденіе ихъ удавалось обнаружить впоследствии. Такихъ данныхъ Комиссія въ распоряженіи своемъ не имѣетъ, а по случаямъ, доходившимъ изъ судебной практики до моего свѣдѣнія, я считаю возможнымъ утверждать, что въ числѣ ихъ нерѣдко встрѣчались люди безъ всякаго преступнаго прошлаго. Мало того: нельзя отрицать возможности даже такихъ случаевъ, когда бродяга, при самой доброй волѣ обнаружить свое происхожденіе, не въ состояніи сдѣлать этого по причинамъ, отъ него не зависящимъ, напр., въ виду несовершенства дѣйствующей системы метрическихъ записей и

паспортной, слабости полицейской организаціи, преступной дѣятельности или небрежности третьихъ лицъ, а порою даже вслѣдствіе силъ стихійныхъ. Невозможность доказать истинное происхожденіе здѣсь въ концѣ концовъ сводится къ несовершенствамъ общественныхъ приемовъ дѣятельности, а за нихъ, очевидно, частное лицо не можетъ быть привлекаемо къ уголовной отвѣтственности“.

„Еще болѣе усугубляется—продолжаетъ онъ — несправедливость такого тяжкаго наказанія, какъ пожизненная ссылка для бродягъ за сокрытіе ими своего происхожденія, установившимся въ нашей судебной практикѣ положеніемъ, согласно которому обнаруженіе истиннаго происхожденія бродяги облегчаетъ его участь тогда лишь, когда оно послѣдовало до обращенія приговора къ исполненію. Коренное же измѣненіе его невозможно, такъ какъ производство изслѣдованій о происхожденіи бродяги сопряжено было бы съ неимоверными трудностями послѣ того, какъ бродяга уже сосланъ, и его отдѣляютъ отъ родины тысячи верстъ“.

Переходя къ соображеніямъ утилитарнаго характера, приводимымъ въ пользу установленія для бродягъ пожизненной ссылки, И. Я. Фойницкій утверждаетъ, что и эти соображенія по ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ оказываются призрачными: „Три причины—говоритъ онъ—въ прежнее время вызывали у насъ главнымъ образомъ развитіе бродяжества: крѣпостное состояніе, рекрутчина и ссылка. Съ отпаденіемъ двухъ первыхъ причинъ бродяжничество значительно сократилось, а насколько оно еще остается, оно питается по преимуществу ссылкой. И этою то мѣрою, порождающею и поддерживающею бродяжество, надѣются противодѣйствовать ему!“ Остановившаяся въ частности на предположеніи сосредоточить ссылку бродягъ на островѣ Сахалинѣ, И. Я. Фойницкій замѣчаетъ, что, независимо отъ чрезмѣрной тяжести этого наказанія за такое преступленіе, чисто формальное и даже фиктивное, слѣдуетъ имѣть въ виду, что и съ Сахалина происходятъ побѣги; кромѣ того, мѣстность эта, ссылка въ которую обходится государству весьма дорого, не представляетъ сколько нибудь надежныхъ условій для прочнаго водворенія и, по отзывамъ безпристрастныхъ частныхъ изслѣдователей, если не исчерпана уже для ссылки теперь, то въ скоромъ времени будетъ окончательно переполнена.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ И. Я. Фойницкій находилъ безусловно необходимымъ совершенно измѣнить систему борьбы съ бродяжествомъ, замѣнивъ ссылку бродягъ, развивающую въ нихъ только кочевыя наклонности и стремленіе въ праздности противоположную

системою продолжительнаго и непрерывнаго воспитанія въ рабочихъ привычкахъ, съ постояннымъ надзоромъ и устойчивою дисциплиною: „Если послѣ продолжительнаго, напр. въ теченіи 4—6 лѣтъ, заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ или въ исправительномъ домѣ,—говоритъ И. Я. Фойницкій—бродяга приобрѣлъ привычки правильнаго труда и гражданственности, то онъ можетъ быть выпущенъ на свободу въ предѣлахъ Имперіи съ тою же и даже большею безопасностью, какъ на Сахалинѣ бродяга, прошедшій ссыльное воспитаніе, причемъ, конечно, личность его со всею точностью устанавливается путемъ фотографіи и антропометрическихъ измѣреній, а затѣмъ отъ губернскаго начальства ему выдается паспортъ, подѣ которымъ онъ и значится впослѣдствіи, подвергаясь на первое время полицейскому надзору. Если, однако, несмотря на исполнившееся заключеніе, онъ не усвоилъ себѣ никакого честнаго мастерства или ремесла и продолжаетъ обнаруживать наклонность къ бродяжеству или преступленіямъ, то губернскому начальству, вмѣсто выдачи ему паспорта на руки, слѣдуетъ предоставить власть помѣщать его въ рабочій домъ на дальнѣйшій срокъ до 5 лѣтъ, не въ видѣ наказанія, а въ качествѣ мѣры предупредительной, для продолженія трудового воспитанія. Затѣмъ, по истеченіи такимъ образомъ не менѣе 10 лѣтъ со времени первоначальнаго задержанія, всякій бродяга по необходимости настолько измѣнится, что полное его освобожденіе не представитъ болѣе для общества никакой опасности, а если бы эта надежда не оправдалась, то въ распоряженіи власти останутся фотографическіе снимки и антропометрическія записи, при помощи которыхъ личность каждаго бродяги можетъ быть установлена со всею точностью“.

Предсѣдатель и остальные члены Комиссіи съ предложеніемъ И. Я. Фойницкаго не нашли возможнымъ согласиться. Обсудивъ представленныя имъ соображенія противъ предположенія ссылать бродягъ на островъ Сахалинъ, большинство Комиссіи признало, что соображенія эти далеко не имѣютъ рѣшающаго значенія. Не отрицая того, что среди бродягъ могутъ встрѣчаться иногда личности и безъ преступнаго прошлаго, большинство Комиссіи обратило вниманіе, однако, на то, что всѣ безъ исключенія изслѣдователи ссылки приходили къ заключенію, что подѣ именемъ бродягъ скрываются или люди, совершившіе настолько важныя преступленія, что имъ выгодно скрывать свою истинную личность и подвергнуться наказанію за бродяжество, какъ слабѣйшему, или, еще чаще,—бѣглые каторжные и ссыльные, стремящіеся по типичному арестантскому выраженію „перемѣнить свою участь“. Но даже и по отношенію къ единичнымъ личностямъ,

скрывающимъ свое званіе по инымъ побужденіямъ большинство Комиссіи затруднилось признать ссылку мѣрою нецѣлесообразной, „ибо по условіямъ современной жизни—говорить Комиссія (журналъ, стр. 21)—подобныя личности могутъ быть терпимы развѣ въ отдаленныхъ малонаселенныхъ окраинахъ“.... Не находя возможнымъ поэтому отказаться отъ ссылки бродягъ на островъ Сахалинъ, но рѣшительно высказавшись противъ водворенія ихъ въ Сибири, большинство Комиссіи сочло необходимымъ изъять опредѣленіе мѣста ссылки изъ вѣдѣнія административной власти и указать въ самомъ законѣ, что бродяги должны быть ссылаемы на водвореніе на островъ Сахалинъ¹⁾.

И Министръ Юстиціи и Государственный Совѣтъ къ предположеніямъ большинства Комиссіи вполне присоединились. Повторивъ всѣ соображенія, приведенныя большинствомъ Комиссіи, Министръ Юстиціи, съ своей стороны, высказался за отмѣну содержавшагося во 2 части статьи 952 уложенія о наказаніяхъ правила о наказаніи бродягъ розгами за ложное показаніе о своемъ званіи. „Это послѣднее постановленіе—читаемъ въ представленіи—(стр. 96) противорѣчитъ основнымъ началамъ современнаго уголовного процесса, въ силу коихъ обвиняемый не можетъ быть присуждаемъ къ дачѣ правдивыхъ объясненій“. Государственный Совѣтъ относительно проектированныхъ правилъ о наказаніяхъ за бродяжество ограничился частичными замѣчаніями кодификаціоннаго характера. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ нѣтъ даже и намекъ на то, чтобы основной вопросъ о необходимости усиленія репрессіи за это преступленіе вызвалъ въ средѣ Департаментовъ хотя малѣйшее сомнѣніе.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ программу Комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки входилъ, между прочимъ, вопросъ объ учрежденіи для борьбы съ бродяжествомъ (въ западно-европейскомъ смыслѣ) рабочихъ домовъ съ принудительнымъ трудомъ, внесенный въ нее учрежденною при Министерствѣ Юстиціи въ 1898 году, подъ предсѣдательствомъ сенатора Мѣщанинова, Комиссіею для разработки вопроса о мѣрахъ борьбы противъ профессиональнаго нищенства и бродячества. Вопросъ этотъ остался Комиссіею неразсмотрѣннымъ и въ настоящее время переданъ, согласно Высочайшему повелѣнію 13 мая 1903 года, въ Высочайше учрежденную, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Особую Комиссію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія.

IV.

Постановленія объ отвѣтственности за бродяжество закона 12 июня 1900 года и новаго уголовного уложенія являются, несомнѣнно, побѣдою—первыя болѣе полной, вторыя менѣе полной—сторонниковъ точки зрѣнія на это преступленіе, лежащей въ основѣ дѣйствующаго закона. При выработкѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ законоположеній, эта точка зрѣнія, имѣющая многочисленныхъ защитниковъ главнымъ образомъ среди юристовъ-практиковъ, какъ было указано, встрѣтила рѣшительныя возраженія со стороны юристовъ-теоретиковъ, находившихъ ее совершенно несогласною съ основными началами права и процесса. Развитыя болѣе или менѣе подробно въ объясненіяхъ Редакціонной Комиссіи по составленію новаго уголовного уложенія, въ статьяхъ В. Д. Набокова и А. А. Жижиленко и въ особомъ мнѣніи И. Я. Фойницкаго, возраженія эти, если опустить изъ нихъ все, немѣющее прямого отношенія къ вопросу, могутъ быть сформулированы въ слѣдующихъ шести тезисахъ: 1) система дѣйствующаго законодательства о бродяжествѣ построена на презумпціи, что всякій бродяга непременно тяжкій уголовный преступникъ. Пріемъ этотъ долженъ быть признанъ неправильнымъ, во первыхъ, потому, что современная наука уголовного права вообще отказалась отъ всякихъ ни на чемъ неоснованныхъ презумпцій, во вторыхъ, потому, что указанная презумпція опровергается данными судебной практики, свидѣтельствующими о томъ, что превращеніе въ бродягу не всегда обусловливается въ дѣйствительности желаніемъ скрыть свою преступность и прежнюю судимость, но и многими другими побужденіями (Редакціонная Комиссія, Фойницкій, Набоковъ, Жижиленко); 2) преслѣдованіе въ бродяжествѣ желанія избѣгнуть отвѣтственности за совершенное преступленіе находится въ непримиримомъ противорѣчій съ началами современнаго уголовного процесса, не допускающими примѣненія къ обвиняемому наказаній за попытки скрыть свою вину (Фойницкій); 3) обнаруженіе бѣжавшихъ преступниковъ и нераскрытыхъ виновниковъ преступленій должно быть достигаемо не драконовскими постановленіями относительно бродягъ, а другими болѣе гуманными и болѣе совершенными мѣрами, до фотографіи и антропометрическихъ измѣреній включительно, и одно лишь несовершенство примѣняемыхъ государствомъ съ этою цѣлью способовъ не можетъ создавать вины на сторонѣ частнаго лица, получающаго или могущаго получить отъ

такого несовершенства какія либо выгоды (Фойницкій, Набоковъ); 4) опредѣляемое бродягамъ наказаніе налагается всегда въ одной и той же мѣрѣ, за совершенною неизвѣстностью побужденій, которыя заставляютъ обвиняемаго скрывать свое званіе, и невозможностью поэтому соразмѣрить тяжесть наказанія со степенью вины (Редакціонная Комиссія); 5) примѣненіе къ бродягамъ пожизненной ссылки нецѣлесообразно уже потому, что, какъ показалъ опытъ, бродяжество въ настоящее время питается главнымъ образомъ ссылкой, слѣдовательно, мѣра эта совершенно неспособна оградить населеніе отъ бродягъ (Фойницкій), и 6) рассмотрѣніе дѣлъ о бродягахъ на судѣ не соответствуетъ задачамъ судебной дѣятельности, съ одной стороны, потому, что въ дѣлахъ этихъ судъ является не рѣшителемъ какого либо спорнаго вопроса, а чисто исполнительною властью, примѣняющею законъ къ безспорному факту, удостовѣренному путемъ дознанія и предварительнаго слѣдствія, съ другой—также и потому, что, разбирая дѣла о бродягахъ, судъ разсматриваетъ не совершившееся преступленіе, а преступленіе совершающееся, и притомъ совершающееся именно въ моментъ судебного разбирательства, въ самомъ судѣ (Редакціонная Комиссія). Правильны-ли эти тезисы? Выдерживаютъ ли они въ достаточной степени критику, чтобы, опираясь на нихъ, можно было утверждать, что постановленія дѣйствующаго законодательства о бродяжествѣ безусловно обречены на упраздненіе и, если и представляють интересъ, то только историческій и бытовой, что „съ юридической точки зрѣнія нельзя отнестись иначе, какъ съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ той постановкѣ, которую понятіе бродяжества получило ab ovo въ нашемъ правѣ?“¹⁾

Мы позволяемъ себѣ съ этими положеніями не согласиться и думаемъ, что соображенія, приводимыя въ доказательство неудовлетворительности точки зрѣнія на бродяжество, лежащей въ основѣ дѣйствующаго закона, могутъ показаться убѣдительными только съ перваго взгляда.

Первый и наиболѣе сильный аргументъ, выдвигаемый сторонниками противнаго мнѣнія, заключается въ указаніи, что постановленія о бродягахъ дѣйствующаго права опираются на презумпцію, что подъ маскою бродяги непременно скрывается тяжкій преступникъ,—презумпцію, часто оказывающуюся ошибочною. На основаніи извѣстныхъ ему случаевъ изъ судебной практики проф. Фойницкій считаетъ

¹⁾ Ср. Набоковъ, *ibidem*, стр. 48.

себя въ правѣ утверждать, что къ сокрытію своего имени и званія могутъ побудить человѣка не только желаніе заставить забыть его преступное прошлое, но и многія другія причины—религіозный фанатизмъ, семейныя драмы, всякаго рода личныя и имущественныя бѣдствія, огорченія нераздѣленной любви. Для того, чтобы защищать противоположное положеніе и предполагать, что всѣ или почти всѣ бродяги, скрывающіе свое происхожденіе, тѣмъ самымъ скрываютъ свои прежнія преступления и прибѣгаютъ къ этому для избѣжанія наказанія, по мнѣнію проф. Фойницкаго, надлежало бы представить соотвѣтствующія доказательства. Такими доказательствами—находить онъ, могли-бы явиться данныя о томъ, кѣмъ въ дѣйствительности оказывались люди, судившіеся и осужденные за бродяжество, когда происхожденіе ихъ удавалось въпослѣдствіи обнаружить. Данныя эти собрать, разумѣется, можно, но, вопреки мнѣнію проф. Фойницкаго, мы позволяемъ себѣ думать, что отъ представленія подобныхъ данныхъ разрѣшеніе затронутого имъ вопроса не подвинется ни на шагъ впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что изъ общаго числа дѣлъ о бродягахъ, закончившихся обвинительными приговорами, ежегодно возобновляется 10%, и что по всѣмъ этимъ дѣламъ оказывается, что причинами побудившими къ бродячеству лицъ, въпослѣдствіи возстановленныхъ въ правахъ, были „семейныя драмы“ или „огорченія нераздѣленной любви“. Можно ли отсюда заключить, что и въ остальныхъ 90% мотивами бродячества являются побужденія столь же невиннаго свойства? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ подобное утвержденіе было бы равносильно выводу, что если изъ 100 лицъ, сознавшихся въ убійствѣ, одно оказалось въпослѣдствіи въ совершеніи преступленія невиннымъ, то, слѣдовательно, и относительно остальныхъ 99 надлежитъ предполагать, что они приняли на себя напрасно чужую вину. Не впадая въ противорѣчіе съ логикой, нельзя отождествлять исключеніе и общее правило; не даромъ говорится, что *l'exception confirme la règle*. Но, если методъ, рекомендуемый проф. Фойницкимъ для провѣрки основательности презумпціи, служащей опорой дѣйствующимъ законамъ о бродягахъ, оказывается несостоятельнымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что презумпція эта вообще не имѣетъ подъ собою почвы. Достаточно сказать, что согласно официальнымъ свѣдѣніямъ, чуть ли не 80% всѣхъ бродягъ задерживается въ Сибири и губерніяхъ, смежныхъ съ Сибирью ¹⁾, что нѣтъ ни одного изслѣ-

¹⁾ Ср. Селивановъ, *ibidem*, стр. 81: „Громадное большинство бродягъ задерживается въ сосѣднихъ съ Сибирью губерніяхъ. Хотя точныхъ цифръ ко

дованія о ссылкѣ, ни официальнаго ни частнаго, въ которомъ бы не указывались въ качествѣ важнѣйшихъ факторовъ современнаго бродячества каторга и ссылка. „Какъ велико наличное число бродягъ (въ Сибири), пишетъ въ 1899 году г. Дриль, опредѣлить невозможно.... Безъ преувеличенія можно признать, что половина поселенцевъ не остается на мѣстахъ причисленія, а изъ нихъ половина превращается въ бродягъ, которые, вслѣдствіе своего прошлаго и безпрерывнаго передвиженія по тюрьмамъ и этапамъ, лишены почти всякихъ признаковъ нравственности и способны на всякое преступленіе“¹⁾. Двадцать лѣтъ ранѣе Н. В. Муравьевъ, на основаніи изслѣдованій Ядринцева, Максимова, Шелгунова и другихъ и официальныхъ данныхъ, опредѣлялъ число сибирскихъ бродягъ въ 30—40 тысячъ²⁾. Но, если признавать, чего не отрицаетъ и самъ проф. Фойницкій, что современное бродячество питается по преимуществу ссылкой, и что значительная часть поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, съ цѣлью „перемѣнить свою участь“, превращается въ бродягъ, то необходимо признавать и обратное положеніе, т. е. что въ огромномъ большинствѣ случаевъ подъ псевдонимомъ бродяги скры-

личества ежегодно задерживаемыхъ тамъ бродягъ и нѣтъ, во приблизительно о томъ можно судить потому, что напр. въ 1876 году изъ 2990 судившихся бродягъ 623 судились въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ. Раздѣливъ же 2990, цифру всѣхъ бродягъ, на количество судовъ 6 судебныхъ округовъ, по которымъ имѣются свѣдѣнія, на каждый судъ приходится лишь 58 бродягъ. Тоже было и въ 1877 году, когда въ округѣ ближайшей къ Сибири судебной палаты—Казанской судилось болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ задержанныхъ бродягъ. Намъ извѣстно также, что въ судахъ Московскомъ и Тверскомъ въ періодъ 1879—1883 г.г. изъ судившихся въ нихъ бродягъ по крайней мѣрѣ $\frac{3}{10}$ были задержаны въ губерніяхъ, сосѣднихъ съ Сибирью, и были пересланы во внутрь Россіи въ виду ложныхъ ихъ показаній о своемъ званіи³⁾.

¹⁾ Дриль, Ссылка во Франціи и Россіи, 1899 г., стр. 159—160.

²⁾ Муравьевъ, *ibidem*, стр. 84—85. По словамъ автора, бывали періоды, когда сибирскіе остроги до того переполнялись наловленными бродягами, что власти оказывались вынужденными дѣлать подъ рукою распоряженія о пріостановленіи ловли, такъ какъ сажать вновь задерживаемыхъ бродягъ становилось некуда. Положеніе это въ достаточной степени иллюстрируютъ приводимые авторомъ примѣры. Такъ, напр., въ 1866 году въ Кузечинской волости, близъ Омска, при розыскахъ по поводу убійства одного еврейскаго семейства было взято разомъ 200 бродягъ. Въ слѣдующемъ, 1867, году въ Юдинской волости, Тобольской губерніи, облавы, произведенныя по случаю убійства трехъ проезжихъ монахинь, дали мѣстнымъ острогамъ 500 человекъ бродягъ. Въ 1864—1865 годахъ близъ Иркутска, по разсказамъ обывателей и самихъ бродягъ, ихъ зимовало болѣе 4.000 человекъ.

ваются бѣглые каторжные и ссыльные, тѣмъ болѣе, что ежегодное число ссыльныхъ, „пропадающихъ безъ вѣсти“, превышаетъ въ нѣсколько разъ число бродягъ, задерживаемыхъ въ теченіе года. Что изъ этого положенія, имѣющаго значеніе общаго правила, возможны изъятія, никто разумѣется не станетъ спорить; желательно даже при выработкѣ закона, вопреки правилу: „*quod semel aut bis existit praeterunt legislatores*“, возможность этихъ изъятій принять во вниманіе, но не изъятія же долженъ имѣть главнымъ образомъ въ виду законодатель, проектируя для бродягъ общій законъ!

Легальное сближеніе понятій бродяги и скрывающагося преступника находитъ себѣ полное оправданіе и опору во взглядахъ на бродяжество арестантовъ и ссыльныхъ. По словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей острова Сахалина г. Новомбергскаго, съ точки зрѣнія ссыльныхъ, непомнящіе родства и неосужденные или бѣгло-каторжные преступники—понятія синонимическія ¹⁾. „Ссыльные хорошо знаютъ,—говоритъ г. Новомбергскій,—что бродяжество надежный предохранительный клапанъ, понижающій давленіе уголовного наказанія. Самоосужденіе на бродяжество открываетъ широкое поле для вѣтсудебнаго смягченія уголовной кары. Рѣшимость выбросить за бортъ генеалогическое дерево, стать „непомнящимъ“ даетъ возможность замѣнить безсрочную или долгосрочную каторгу простымъ водвореніемъ въ Сибирь“ ²⁾. Не даромъ же называется бродяжество на типичномъ арестанскомъ языкѣ „подведеніемъ себя подъ манифестъ“. Арестантскій манифестъ—это не личное дѣло одного заинтересованнаго, это—результатъ совокупнаго усердія многихъ. По арестантскимъ правиламъ, бѣглый не уличается; законъ этотъ свято блюдетъ всѣми; лицу, нарушающему его, грозитъ смерть. „Бродяга долженъ быть спокоенъ—справедливо замѣчаетъ г. Шрейтерфельдтъ—что, ни когда онъ въ острогѣ и собирается бѣжать, ни когда онъ въ бѣгахъ, ни когда онъ пойманный снова водворенъ въ острогъ,—товарищи его не выдадутъ и не предадутъ его тайны начальству. Если бы не было этой увѣренности, то немыслимъ былъ бы и самый фактъ бродячества и побѣга“ ³⁾. На Сахалинѣ правило „не уличать бродяги“ не только не встрѣчаетъ отступниковъ среди каторжныхъ, но почти

¹⁾ Новомбергскій, Островъ Сахалинъ, 1903 г., стр. 121.

²⁾ Ibidem, стр. 121—122.

³⁾ Шрейтерфельдтъ, Понятіе о чести у заключенныхъ, Тюрем. Вѣст. 1903 г., кн. 1, стр. 86.

свято соблюдается даже тюремными надзирателями и чиновниками; г. Новомбергскій приводит въ доказательство этого слѣдующіе любопытные факты. Въ началѣ 1902 года изъ Рыковской тюрьмы исчезъ водовозъ вмѣстѣ съ парюю казенныхъ воловъ, на которыхъ онъ возилъ воду. Сбѣжавшій былъ долгосрочный каторжный. Черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ пойманъ и доставленъ въ ту же самую Рыковскую тюрьму, гдѣ отказался отъ своего прежняго „состоянія“, и несмотря на то, что его *все* знали, его *никто* не уличилъ ¹⁾. Въ томъ же 1902 году въ Александровской тюрьмѣ задержали неизвѣстнаго бѣглокаторжнаго, составили протоколъ и назначили его къ отправкѣ на улицу по другимъ тюрьмамъ; передъ самой отправкой задержанный сознался, что онъ каторжный именно Александровской тюрьмы ²⁾.

¹⁾ Новомбергскій, *ibidem*, стр. 119—120.

²⁾ *Ibidem*, стр. 113.—По словамъ г. Новомбергскаго, судебныя слѣдствія представляютъ обильный матеріалъ въ подтвержденіе того невѣроятнаго порядка, что бѣглецы укрываются ночью въ тюремныхъ камерахъ. *Ibidem*, стр. 114. Это удостовѣряетъ также и г. Дорошевичъ (Сахалинъ, 1903 г., ч. I, стр. 181). По его словамъ, „страхъ и ужасъ Сахалина—Широколовъ, отковавшійся отъ тачки и бѣжавшій изъ Александровской кандалной тюрьмы,—Широколовъ, за поимку котораго обѣщано 100 рублей,—неуловимый Широколовъ, для поимки котораго посылаютъ цѣлыя отряды и переодѣтыхъ сыщиковъ—надзирателей,—этотъ самый Широколовъ тихо и мирно скрывался цѣлую зиму въ Рыковской тюрьмѣ“ (*ibidem*, стр. 181, 346). „Въ Корсаковскій постъ—говоритъ г. далѣе Дорошевичъ (*ibidem*, стр. 348)—доставили съ японскаго берега Мацмай нѣсколько перебравшихся туда бѣглыхъ. Они выдавали себя за „иностранцевъ“ и лопотали на какомъ то тарабарскомъ нарѣчій, сами еле сдерживаясь отъ смѣха при видѣ пріятелей-каторжанъ и старыхъ знакомыхъ—надзирателей. Но ихъ никто не „признавалъ“.—Въ первой видимъ! Пока наконецъ, бѣглецамъ не надоѣло „ломать дурака“, и они сами не открыли своихъ именъ“.—Доказательствомъ того, насколько неохотно „признаетъ“ бѣглыхъ каторжанъ сахалинская администрація, можетъ служить слѣдующій, передаваемый г. Дорошевичемъ, рассказъ одного служащаго: „Приводятъ къ намъ въ постъ бродягу. Смотрю: „батьюшки, да онъ у меня же въ лакеяхъ, будучи каторжаниномъ, служилъ“. Думаю: „признавать—не признавать. Уличать—не уличать?“ Попросилъ, чтобы меня съ нимъ оставили наединѣ. Смѣется: „Здравствуйте,—говорить,—ваше высокоблагородіе. Какъ баринно здоровье?“—„Что жъ ты,—спрашиваю,—такъ настоящее свое имя и не думаешь открывать?“—„Не думаю!“—„Да вѣдь тебя здѣсь половина людей знаетъ. Признаютъ!“—„Никто не признаетъ, не беспокойтесь!“—„Да вѣдь я тебя первый уличить долженъ. Не могу не уличить!“—„Что жъ,—говорить,—уличайте, коли охота есть!“ А самъ на меня въ упоръ смотритъ. Бился я съ нимъ, бился, часа два, пока доказалъ, что ему инкогнито своего не скрыть, и самому признаться

Правильность мнѣнія, видящаго въ бродягахъ тяжкихъ преступниковъ, подтверждается до извѣстной степени и тѣми преимуществами, которыми пользуются бродяги въ тюрьмахъ. По единогласному утвержденію всѣхъ лицъ, изслѣдовавшихъ бытъ арестантовъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, бродяги всегда составляли своего рода тюремную аристократію, находились въ положеніи какъ бы „почетныхъ гражданъ“ тюрьмы. Изучая арестантскіе нравы, обычаи и формы общежитія, г. Шрейтерфельдтъ пришелъ къ убѣжденію, что въ выработкѣ законовъ арестантской общины бродяжество сыграло выдающуюся роль; явившись краугольнымъ камнемъ острожной организаціи, оно перенесло въ острожную общину свое вѣче-сходку, свой судъ, свои несложные карательные законы; бродяги явились элементомъ, творящимъ острожный обычай, установившимъ извѣстный порядокъ въ острожной средѣ ¹⁾. Будучи въ острогѣ своими людьми и составляя тамъ классъ постоянныхъ, хотя бы и періодическихъ, сидѣльцевъ, бродяги, по истинѣ, могли считать себя, — говоритъ г. Шрейтерфельдтъ, — его законными дѣтьми и хозяевами; отсюда берутъ начало ихъ освященныя преданіями различныя привилегіи, ихъ надменное и презрительное отношеніе къ остальной арестантской средѣ ²⁾. Уваженіе, которымъ и понынѣ пользуются бродяги со стороны арестантовъ, было бы совершенно не объяснимо, если бы въ значительной части своей классъ бродягъ состоялъ изъ неопытныхъ, ушедшихъ въ бродяжество отъ религіозныхъ побужденій или огорченій нераздѣленной любви, новичковъ. Бродяги сильны тѣмъ, что опытный глазъ арестанта сразу отличаетъ въ нихъ людей бывалыхъ, людей смѣлыхъ, хорошо знающихъ тюремные порядки, въ рѣшительную минуту готовыхъ на все ³⁾.

Утвержденіе проф. Фойницкаго, что среди бродягъ нерѣдко попадаются люди безъ преступнаго прошлаго, не противорѣчитъ

выгодѣ, — наказанія меньше. Насилу уломалъ: „Ладно, — говоритъ, — сознаюсь!“ Ibidem, стр. 348—349.

¹⁾ Шрейтерфельдтъ, *ibidem*, стр. 88—89.

²⁾ Ibidem, стр. 87, 89.

³⁾ Исслѣдователи современной русской тюрьмы рисуютъ самыми мрачными красками встрѣчающіеся въ тюрьмѣ типы бродягъ. По словамъ г. Мельшана, автора извѣстныхъ записокъ „Въ мірѣ отверженныхъ“ (1899г.), бродяги сдѣлались совершеннымъ бичомъ тюремнаго населенія: люди крайне испорченные и тѣсно сплоченные между собою, они совершенно поработили безотвѣтную „шпанку“ и въ своихъ отношеніяхъ въ ней игнорируютъ всякую нравственность. Въ пересмѣль-

только что сказанному, если предположить, что, говоря это и ссылаясь на извѣстные ему случаи изъ судебной практики, проф. Фойницкій имѣлъ въ виду бродягъ неосужденныхъ или, по крайней мѣрѣ, неотправленныхъ въ ссылку; къ такому предположенію имѣются полныя основанія, такъ какъ до 1901 года Сенатъ, толкуя неправильно законъ, почти не допускалъ возобновленія дѣлъ о бродягахъ, высланныхъ въ Сибирь ¹⁾. Въ Сибири же и на Сахалинѣ, можно

нихъ тюрьмахъ, описанію населенія которыхъ посвящена въ особенности работа г. С в и р с к а г о („Миръ тюремный“), бродяги вмѣстѣ съ каторжными входятъ въ категорію „жигановъ“, противопоставляемыхъ авторомъ „шпанкѣ“ (воры), „счастливицамъ“ (мошенники и шулера) и „брусамъ“ (преступники, попавшіе въ тюрьму въ первый разъ, новички). „Жиганъ“ у г. Свирскаго (именующаго этимъ терминомъ представителей высшей тюремной аристократіи, въ отличіе отъ другихъ авторовъ, употребляющихъ то же выраженіе обыкновенно для обозначенія одного изъ классовъ тюремнаго пролетаріата; по словамъ г. Дорошевича, „жиганомъ“ въ каторгѣ вообще называется всякій бѣдный, ничего не имѣющій человекъ, въ частности же этимъ именемъ зовутъ проигравшихся въ пухъ и прахъ „игроковъ“) дѣлится, въ свою очередь, на: 1) „орловъ“—бѣглыхъ съ каторги, 2) „пустынниковъ“—непомнящихъ родства и 3) „монаховъ“—ссылныхъ на Сахалинѣ. Г. Д о р о ш е в и ч ѣ даетъ намъ ную классификацію арестантскихъ типовъ, но и у него бродяги въ большинствѣ случаевъ входятъ въ составъ высшего класса каторги—„ивановъ“, правящаго надъ остальными классами: „храпами“, „игроками“ и „шпангой“. Принадлежность арестанта къ тому или другому классу каторги зависитъ, однако, главнымъ образомъ отъ его индивидуальныхъ свойствъ. Ср. Ш р е й т е р ф е л ь д ь т ѣ, *ibidem*, стр. 161—173.

1) Обвиненіе въ бродяжествѣ, являющееся неизбежнымъ послѣдствіемъ отсутствія у задержаннаго возможности или желанія представить доказательства самоличности, легко можетъ быть предъявлено лицу, не совершившему никакого преступленія, но обвиняемому въ бродяжествѣ не есть бродяга. Любопытный матеріалъ по этому вопросу содержится въ вышедшей нѣсколько мѣсяцевъ назадъ брошюрѣ г. Чулицкаго „Петербургскіе бродяги“. Изъ 22 лицъ, подвергшихся преслѣдованію за бродяжество, описываемыхъ въ этой брошюрѣ, были присуждены къ наказаніямъ за бродяжество, повидимому, только два лица, изъ нихъ одинъ—несчастный мужъ, несогласавшійся ни за что открыть свое имя и званіе, чтобы не быть отправленнымъ къ ненавидѣвшей его женѣ, другой—типичный бродяга-весельчакъ, нестѣснявшійся заявлять, что онъ непременно перемѣнится дорогой съ кѣмъ-нибудь именами и дѣйствительно сдержавшій это обѣщаніе еще въ стѣнахъ пересыльной тюрьмы. Такой малый процентъ осужденныхъ объясняется, разумѣется, тѣмъ, что г. Чулицкій, въ цѣляхъ своей работы, выбралъ изъ массы бродягъ типы особенно интересные, исключительные, встрѣчающіеся въ дѣйствительной жизни среди бродягъ крайне рѣдко, какъ это можно видѣть уже изъ даваемыхъ имъ авторомъ опредѣленій: китаецъ, грекъ, французъ, нѣмецъ, австріецъ, итальянецъ, персъ, индѣецъ, полякъ, черкезь, еврей, еврейка, странница, кучикъ, отчаянный, нѣмой, бѣглый каторжникъ, путешественникъ,

утверждать безъ колебаній, бродягъ безъ преступнаго прошлаго почти нѣтъ; если же встрѣчаются единичныя личности, составляющія изъятія изъ общаго правила, то личности эти, какъ исключительныя, очевидно, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. По свидѣтельству лицъ, наблюдавшихъ сахалинскихъ бродягъ, подавляющее большинство среди нихъ составляютъ бѣглые каторжные, незначительное меньшинство—лица, неподвергшіяся осужденію, но имѣющія, однако, достаточно отягченное прошлое, чтобы желать подъ маскою бродяги исчезнуть безслѣдно съ лица земли. „Въ настоящее время между сахалинскими бродягами—читаемъ въ неоднократно цитированной работѣ г. Новомбергскаго—можно встрѣтить нѣсколько человѣкъ, получившихъ высшее техническое, врачебно-ветеринарное и юридическое образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ когда-то занимали даже видныя должности, считались „особами VI класса“ и вдругъ исчезли. Ключъ къ пониманію этого внезапнаго исчезновенія даетъ недавняя исторія бродяги Знаменскаго. Лѣтъ пять тому назадъ онъ служилъ офицеромъ въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Случайное убійство заставило его исчезнуть. Преступленіе не было раскрыто, но пять лѣтъ тяжелой бродяжеской жизни не могли усыпить встревоженной совѣсти: бродяга открылъ свое „настоящее званіе“ и уже возвращенъ къ мѣсту совершенія преступленія“. „Мы знали между бродягами—продолжаетъ г. Новомбергскій—семинариста „съ богословія“, изнасило-вавшего въ пьяномъ видѣ малолѣтнюю дѣвочку и скрывшагося. Хорошую память о себѣ оставилъ въ посту Александровскомъ бродяга—двоеженецъ, впоследствии возстановленный въ своемъ званіи“. Бро-

нищій, весельчакъ, несчастный мужъ, дворникъ. Не подлежитъ нисколько сомнѣнію, что масса бродягъ далеко не столь космополитична. Единственный характерный типъ бродягу автора—это бродяга „Весельчакъ“ (стр. 99—103). Назвавшійся кронштадтскимъ мѣщаниномъ и доставленный въ Кронштадтъ, Весельчакъ, прираспросахъ въ полицію, заявляетъ, что въ Кронштадтѣ онъ никогда не былъ, назвался кронштадтскимъ мѣщаниномъ только потому, что хотѣлось побывать и въ этомъ городѣ и посмотреть, дѣйствительно ли онъ изображаетъ собой точку, какъ отзываются о немъ моряки, и что онъ бродяга, забывшій свою фамилію. Судебному слѣдователю, старающемуся открыть его званіе и предъявляющему ему требованіе назвать свою фамилію, Весельчакъ отвѣчаетъ, что фамилій у него много: „Если для васъ, господинъ судебный слѣдователь, безразлично—говорилъ онъ—пусть буду, по вашему выбору, Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ и т. д. Если вы сердитесь, назовите Тигровымъ, Львовымъ, Пантеровымъ, Гееновымъ. Презираете меня, тогда я Насѣкомовъ, Блоховъ, Клоповъ. Вы просите сказать откровенно, по душѣ. Извольте. Я Несчастливцевъ, хотя въ тюрьмѣ прозвали Весельчакомъ“, Ibidem, стр. 99—100.

даги, не имѣвшаго счетовъ съ Оемидой, въ числѣ тѣхъ, личность которыхъ была обнаружена на Сахалинѣ, г. Новомбергскій не называетъ ни одного ¹⁾).

Предлагая отказаться отъ взгляда, по которому тяжесть наказаній за бродяжество должна сообразоваться съ предполагаемой тяжестью скрываемаго преступленія, проф. Набоковъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что взглядъ этотъ противорѣчитъ основному положенію, согласно которому отвѣтственность можно нести только за доказанную вину ²⁾. Съ замѣчаніемъ этимъ совершенно невозможно согласиться. Мнимое противорѣчіе, которое видитъ г. Набоковъ въ примѣненіи къ бродягамъ суровыхъ мѣръ, объясняется тѣмъ, что онъ смѣшиваетъ въ данномъ случаѣ два вопроса, которые необходимо всегда строго различать, а именно, вопросъ объ основаніяхъ криминализаціи дѣянія и опредѣленія размѣровъ наказанія *in abstracto* и вопросъ о примѣненіи наказанія судомъ. Указываемый г. Набоковымъ принципъ имѣетъ руководящее значеніе только для суда; законодатель, оперируя не съ фактами, а съ предположеніями, принципу этому слѣдовать не можетъ и долженъ весьма часто облагать наказаніями такія дѣянія, которыя, представляясь *in abstracto* опасными для правопорядка, весьма часто *in concreto* могутъ не заключать въ себѣ ни малѣйшей опасности. Такихъ „Gefährungsdelikte“ въ каждомъ кодексѣ

¹⁾ Типы бродягъ, описанные гг. Чеховымъ, Дорошевичемъ, Новомбергскимъ, даютъ яркое представленіе о степени опасности, какую представляетъ изъ себя для общества сахалинскій бродяга. „Когда изъ Воеводской тюрьмы или изъ кандалной—пишетъ г. Чеховъ (Островъ Сахалинъ, 1895 г., стр. 493)—бѣжитъ какой-нибудь извѣстный бродяга, то молва объ этомъ наводитъ страхъ не только на сахалинское населеніе, но даже на жителей материка; рассказываютъ, что когда, однажды, бѣжалъ Блоха, то слухъ объ этомъ навелъ на жителей г. Николаевска такой страхъ, что мѣстный исправникъ нашелъ нужнымъ запросить по телеграфу: правда ли, что бѣжалъ Блоха?“ Прозвище „Блоха“ бродяга—когда то „знаменитый“ московскій убійца—получилъ за свою неуловимость. Въ каждой тюрьмѣ бывалъ арестантъ „Блоха“,—и всегда, въ концѣ концовъ, оказывалось, что это „не настоящій“. На Сахалинѣ было одно время двое „Блохъ“; по словамъ г. Дорошевича, ни одинъ изъ нихъ не былъ настоящимъ (*ibidem*, ч. I, стр. 306). Извѣстію объ убійствѣ бродяги Пашенки—читаемъ у г. Дорошевича—обрадовалась прежде всего каторга. За Пашенкой числилось 32 убійства. Онъ многократно бѣгалъ; когда его нужно было „уличить“, сообщавшіе изъ Одессы на Сахалинъ примѣты Пашенко, писавшіе, начальники тюремъ и надзиратели, добавляли: „Только не говорите Пашенкѣ, что свѣдѣніи сообщили мы. Придетъ и убоетъ“. Таково было страшное обаяніе его имени (*ibidem*, ч. II, стр. 145—146).

²⁾ *Ibidem*, стр. 55.

можно насчитать сотни; возьмемъ для примѣра хотя бы предусматриваемое ст. 113 новаго уголовного уложенія проникновеніе гри указанныхъ въ статьѣ 113 условіяхъ „въ російское укрѣпленное мѣсто, военное судно или иное военное сооруженіе, предназначенное для защиты страны“. Карая лицо, проникшее въ крѣпость безъ надлежащаго разрѣшенія, путемъ сокрытія своего званія, имени, подданства или національности или посредствомъ иныхъ уловокъ, заключеніемъ въ тюрьмѣ, законодатель исходитъ, очевидно, изъ предположенія, что на подобный поступокъ можетъ рѣшиться только человекъ, осуществляющій при этомъ какой-либо враждебный для государства замыселъ. Предположеніе это *in concreto* можетъ и не подтвердиться, тѣмъ не менѣе судъ долженъ будетъ подвергнуть виновнаго опредѣленному взысканію, и въ этомъ никто не усмотритъ нарушенія принципа, допускающаго примѣненіе мѣръ карательнаго воздѣйствія только въ случаяхъ доказанной вины. Преступность бродяжества заключается въ сокрытіи бродягою своего званія; эту вину бродяги судъ всегда долженъ установить.

По совершенно инымъ соображеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя только что были разсмотрѣны, высказывается противъ наказуемости бродяжества въ той постановкѣ, какую даетъ ему дѣйствующее законодательство, профессоръ Харьковскаго университета И. Г. Оршанскій ¹⁾. Не отрицая того, что мотивомъ бродяжества у нормальныхъ людей, въ качествѣ общаго правила, является желаніе скрыть совершенное преступленіе, проф. Оршанскій думаетъ, что во многихъ случаяхъ законодатель долженъ бы былъ это желаніе поощрять, смотрѣть на него, какъ на доказательство раскаянія, пробуждающагося въ душѣ преступниковъ, средство къ ихъ нравственному исправленію. Преступленіе можетъ вызвать въ душѣ преступника—утверждалъ г. Оршанскій въ докладѣ, представленномъ уголовному отдѣленію С.-Петербургскаго юридическаго общества 6 Апрѣля 1899 года,—два вида реакціи: положительную и отрицательную. Положительная реакція характеризуется цинизмомъ, рецидивизмомъ; отрицательная—запирательствомъ, отреченіемъ отъ своего имени. Не указываетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта реакція на существующее въ душѣ бывшаго преступника, особенно случайнаго, стремленіе къ перемѣнѣ своей личности или, вѣрнѣе, ея нравственному возстановленію? Г. Оршанскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и предлагаетъ положить эту тенденцію къ перемѣнѣ личности въ основу

¹⁾ Вѣст. Пр. 1900 г., кн. 2, стр. 214—220.

особаго способа исправленія нѣкоторыхъ преступниковъ. Едва ли могутъ быть два мнѣнія относительно того, какъ долженъ отнестись къ подобному предложенію юристъ.

Соображенія г. Оршанскаго о желательности поощрять въ бродяжествѣ, въ интересахъ уголовно-политическихъ, заперательство преступника, для сокрытія преступленія отрекающагося отъ своего имени, являются естественнымъ переходомъ ко второму возраженію, приводимому въ доказательство неудовлетворительности точки зрѣнія на бродяжество дѣйствующаго права—указанію проф. Фойницкаго на несправедливость примѣненія къ бродягамъ карательныхъ мѣръ за одинъ фактъ заперательства личности въ цѣляхъ сокрытія преступнаго прошлаго, на глубокое противорѣчіе наказуемости этого проступка основнымъ началамъ современнаго уголовнаго процесса, недопускающимъ примѣненія къ обвиняемому наказаній за попытки скрыть свою вину ¹⁾. По существу нелишенное основаній, возраженіе это направлено авторомъ его, къ сожалѣнію, не по надлежащему адресу; вѣскій аргументъ, если бы онъ былъ приведенъ въ доказательство несостоятельности постановки бродяжества въ новомъ уголовномъ уложеніи, въ примѣненіи къ дѣйствующему законодательству оказывается лишеннымъ всякаго значенія: за попытки скрыть свою вину, къ какимъ бы бродяги ни прибѣгали уловкамъ, дѣйствующее законодательство бродягъ не преслѣдуетъ; оно преслѣдуетъ и караетъ ихъ только за пребываніе въ состояніи бродяжества,—состояніи, съ точки зрѣнія законодателя, опасномъ и преступномъ, совершенно независимо отъ того, какой руководить бродягой мотивъ. Въ правильности послѣдняго положенія не трудно убѣдиться, стоитъ только обратить вниманіе на то, какое значеніе имѣетъ по дѣйствующему законодательству обнаруженіе бродягою своего званія по вступленіи въ силу присуждающаго его къ наказанію за бродяжество приговора суда. Въ руководящемъ рѣшеніи Общаго Собранія 29 января 1901 года Сенатъ разъяснилъ, что лицо, признанное бродягой, если оно пожелаетъ впослѣдствіи открыть свою личность, можетъ въ любой моментъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ состоявшагося о немъ приговора, хотя бы приговоръ этотъ былъ уже обращенъ къ исполненію и наказаніе было частью отбыто. Не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ того, что наказывать лицъ, прибѣгающихъ къ бродячеству для сокрытія совершенныхъ ими преступленій, *собственно за заперательство и ложныя заявленія* дѣйствующее законодательство со-

¹⁾ Журналы комисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, стр. 119.

вершено не имѣть въ виду ¹⁾). Идти же дальше и требовать безнака-

¹⁾ Иначе рѣшается вопросъ объ отвѣтственности бродягъ за запирательство и дачу ложныхъ свѣдѣній о своей личности новымъ уголовнымъ уложеніемъ, ставшемъ въ разрѣшеніи этого вопроса на точку зрѣнія закона 22 Марта 1828 года (см. Январь, стр. 109—110). Находи существующій порядокъ возобновленія дѣлъ о бродягахъ нецѣлесообразнымъ по многимъ основаніямъ и, между прочимъ, потому, что онъ допускаетъ возможность освобожденія бродяги отъ всякаго наказанія, даже отъ той части его, которая состоитъ въ тюремномъ заключеніи и представляется *справедливымъ возмездіемъ за сокрытіе подсудимымъ своего званія во время слѣдствія и суда*, Редакціонная Коммисія опредѣлила за бродяжество, соединенное съ отказомъ виновнаго удостовѣрить свою личность или дачу о своей личности ложныхъ свѣдѣній, исправительный домъ (объясн., т. III, стр. 395, 398); образованное при Государственномъ Совѣтѣ для разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія Особое Совѣщаніе, согласно предположеніямъ Министерства Юстиціи, въ представленіи немотивированнымъ, признало необходимымъ увеличить наказаніе за этотъ проступокъ до заключенія въ исправительномъ домѣ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ. Воздерживаясь пока отъ критики этого правила, образовавшаго ст. 275 новаго уголовного уложенія, мы считаемъ необходимымъ, однако, указать: 1) что приведенныя въ т. III объяснительной записки соображенія Редакціонной Коммисіи о необходимости „подвергать подсудимаго справедливому возмездію за сокрытіе своего званія во время слѣдствія и суда“ едва ли не противорѣчатъ разсужденіямъ ея по тому же предмету, содержащимся во II томѣ той же записки, гдѣ Редакціонная Коммисія, указывая на сохранившіеся въ нашемъ законодательствѣ остатки прежняго воззрѣнія на значеніе показаній обвиняемаго, а именно, на увеличеніе наказаній за оказанныя подсудимымъ при слѣдствіи и судѣ неискренность и упорство въ запирательствѣ (Улож. Нак., ст. 129 п. 10) и на наказаніе бродягъ розгами за ложныя показанія передъ судомъ о своемъ состояніи и званіи, заявляетъ, что она „не назначаетъ никакого наказанія за какія бы то ни было ложныя показанія, данныя обвиняемымъ по уголовному дѣлу“, такъ какъ, очевидно, что при томъ положеніи, какое занимаетъ подсудимый въ современномъ уголовномъ процессѣ, „не можетъ быть и рѣчи о привлеченіи его къ отвѣтственности за допущенную на судѣ ложь“ (т. II, стр. 476—478); 2) что со стороны Государственнаго Совѣта также едва ли было послѣдовательно возстановлять въ 1903 году наказуемость бродягъ за ложныя показанія о своемъ званіи, отмѣненную имъ въ 1900 году, въ виду ея противорѣчія „основнымъ началамъ современнаго уголовного процесса, въ силу конхъ обвиняемый не можетъ быть принуждаемъ къ дачѣ правдивыхъ объясненій (см. выше, стр. 41); 3) что строгая наказуемость праздношатанія, квалифицируемаго моментомъ сокрытія личности во время слѣдствія и суда, трудно мирится съ допускаемою новымъ уголовнымъ уложеніемъ безнаказанностью принятія всевозможныхъ мѣръ для избѣжанія отвѣтственности за совершенное преступленіе до поврежденія, сокрытія и захвата письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ по дѣлу включительно, хотя бы эти доказательства, завѣдомо для виновнаго, были охранены подлежащею властью для приобщенія къ производству по уголовному дѣлу или даже были уже приобщены (уг. улож., ст. 166 и 170), побѣга арестантовъ, несоединеннаго съ насиліемъ надъ личностью и поврежденіями мѣста

занности бродяжества на томъ только основаніи, что въ бродяжество, какъ въ существовавшія когда то „убѣжища“, идутъ обыкновенно преступники, по весьма понятнымъ побужденіямъ желающіе избавиться отъ грозящаго или присужденнаго имъ наказанія, едва ли возможно; во всякомъ случаѣ, кто рѣшается на это, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ отрицать правомѣрность наказуемости и другихъ преступныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ своимъ мотивомъ желаніе скрыть совершенное преступленіе, напримѣръ, подлога документовъ, учиненнаго для сокрытія растраты вѣренныхъ суммъ¹⁾. Эгоистическое побужденіе избѣжать справедливой и заслуженной кары не принадлежитъ къ числу мотивовъ, оправдывающихъ закононарушеніе. Предписанія, обязательныя для всѣхъ гражданъ, не перестаютъ быть обязательными и для лицъ, преступившихъ законы. Обвиняемый такъ же мало имѣетъ основаній усматривать нарушеніе своихъ правъ въ запрещеніи превращаться въ „непоминащаго родства“, или скрывать свое имя подъ ложными прозвищами, какъ и претендовать на то, чтобы ему было дозволено являться на слѣдствіе и судъ въ маскѣ, которая бы ограждала его отъ опасности быть опознаннымъ свидѣтелями. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что съ принципами современ-

заключенія (ст. 174; объясн., т. II, стр. 569) и т. п., и 4) что совершенно уже невозможно объяснить, почему праздношатаніе, караемое тюрьмою (ст. 274), и сокрытіе имени отъ подлежащей власти, влекущее за собою денежную пеню въ размѣрѣ не выше 300 руб. (ст. 272 п. 1), въ своей идеальной совокупности образуютъ проступокъ, для котораго единственно достаточнымъ наказаніемъ признается заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не ниже 3 лѣтъ, т. е., другими словами, проступокъ равный по своей тяжести изнасилованію (ст. 515, 520), тяжкому тѣлесному поврежденію, имѣвшему послѣдствіемъ смерть (ст. 468), разбою (ст. 589) и т. п., въ то время какъ за ложное обвиненіе и лжесвидѣтельство грозитъ тюрьма (ст. 157, 158), за предъявленіе подлежащей власти для удостовѣренія личности подложнаго вида—арестъ или денежная пеня (ст. 273), за побѣгъ съ каторги продленіе срока пребыванія въ каторгѣ на время отъ 1 до 2 лѣтъ (ст. 176)—наказаніе равное по своей тяжести 2—4 годамъ заключенія въ исправительномъ домѣ.

¹⁾ Не лишнее будетъ напомнить, что говорилъ по поводу убѣжищъ (*asili*) одинъ изъ гуманѣйшихъ криминалистовъ, когда либо существовавшихъ, Беккариа: „Въ предѣлахъ страны не должно быть никакого мѣста независимаго отъ законовъ. Сила ихъ должна слѣдовать за каждымъ гражданиномъ, какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ. Безнаказанность и убѣжище различаются между собою только объемомъ, составляя одно и тоже понятіе, и такъ какъ сила наказанія заключается больше въ его необходимости, чѣмъ въ его тяжести, то убѣжища способствуютъ къ совершенію преступленій болѣе, чѣмъ наказанія удерживаютъ отъ нихъ“. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, русскій переводъ Соболева 1878 г., стр. 114.

наго уголовного процесса наказуемость бродяжества вполне мирится. Ухудшая положеніе преступниковъ, уменьшая ихъ шансы на безнаказанность, законоположенія о бродягахъ дѣйствующаго уголовного уложенія не умаляютъ ни одного изъ процессуальныхъ правъ обвиняемаго, не посягаютъ ни на одну изъ тѣхъ гарантій, которыми долженъ пользоваться обвиняемый на судѣ.

Въ нѣкоторой связи съ только что разсмотрѣннымъ стоитъ третій доводъ сторонниковъ оспариваемаго взгляда, сводящійся къ требованію реформировать слѣдственную и сыскную часть такимъ образомъ, чтобы обнаруженіе бѣжавшихъ преступниковъ и нераскрытыхъ виновниковъ преступленій достигалось не драконовскими постановленіями относительно бродягъ, а другими болѣе гуманными и болѣе совершенными мѣрами, до фотографіи и антропометрическихъ измѣреній включительно, такъ какъ одно лишь несовершенство способовъ, примѣняемыхъ государствомъ для раскрытія преступленій—утверждаетъ проф. Фойницкій—не можетъ создавать вины на сторонѣ частнаго лица, получающаго или могущаго получить отъ такого несовершенства какія либо выгоды ¹⁾. Раздѣляя всецѣло мнѣніе о крайней желательности скорѣйшаго осуществленія указанныхъ реформъ, мы никоимъ образомъ не можемъ признать, однако, правильнымъ послѣднѣе утвержденіе проф. Фойницкаго, рисующаго бродягъ страдальцами за чужую вину: преступность бродяжества не обусловливается исключительно неудовлетворительнымъ состояніемъ слѣдственной и сыскной части; наказуемость бродяжества согласима съ самою блестящею постановкою розыска, съ примѣненіемъ наиболѣе усовершенствованныхъ способовъ къ обнаруженію скрывающихся преступниковъ, съ пользованіемъ для сего антропометріей и фотографіей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ чемъ заключается вина бродяги? Въ томъ ли только, что законодатель видитъ въ бродягѣ бѣглаго каторжнаго, что за невозможностью выяснить побужденія, толкающія человѣка въ бродяжество въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, законодатель вынужденъ предполагать въ каждомъ бродягѣ скрывающагося преступника—рецидивиста? Разумѣется, нѣтъ; тотъ или иной взглядъ законодателя на степень опасности даннаго дѣянія можетъ отражаться на квалификаціи этого дѣянія, но на немъ не можетъ основываться отвѣтственность за дѣяніе дѣятеля; для вмѣненія въ вину дѣянія необходимо, чтобы оно зависѣло отъ воли дѣятеля, чтобы между дѣяніемъ и дѣтелемъ существовала извѣстная внутренняя связь. Такая связь въ бродяжествѣ несомнѣнно суще-

¹⁾ Набоковъ, *ibidem*, стр. 55; Фойницкій, *ibidem*, стр. 119—120.

ствуешь; бродяга сознательно и упорно отказывается исполнить предъявляемое къ нему государственною властью требованіе открыть свое имя и званіе, представить доказательства самоличности; этого совершенно достаточно для признанія бродяжества дѣяніемъ опаснымъ для правопорядка, а бродягу отвѣтственнымъ предъ уголовнымъ закономъ, какими бы при этомъ ни руководился бродяга побужденіями, изъ кого бы ни рекрутировался классъ бродягъ. Другой вопросъ о томъ-какимъ взысканіямъ долженъ быть подвергнутъ бродяга. Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо предварительно разрѣшить вопросы: какъ велика степень представляемой бродяжествомъ опасности, какимъ правовымъ благамъ угрожаетъ бродяжество. Такъ какъ опасность бродяжества обуславливается не столько содержаніемъ преступнаго дѣянія, сколько личностью дѣятеля, то совершенно ясно, что при выборѣ мѣръ борьбы съ этимъ преступленіемъ весьма важно знать, что представляютъ изъ себя тѣ люди, которые, не боясь наказаній, стремятся уйти въ бродяжество отъ своего прошлаго, гдѣ надо искать причины ихъ упорнаго желанія скрыть свое имя подъ incognito, псевдонимомъ. Было время, когда ряды бродягъ пополнялись по преимуществу бѣглыми крѣпостными и рекрутами, видѣвшими въ бродяжествѣ спасеніе отъ гнета помѣщиковъ, тягостей военной службы. Законодатель боролся съ ихъ побѣгами, но заботился при этомъ гораздо болѣе о приуроченіи бѣглецовъ къ какому либо дѣлу съ пользою для государства и самаго бѣглаго, чѣмъ о преслѣдованіи собственно репрессивныхъ цѣлей ¹⁾. Съ

¹⁾ Несмотря на возраженія противъ нашего взгляда на генезисъ бродяжества, сдѣланныя въ засѣданіи уголовного отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества 15 Ноября 1903 года проф. Н. Д. Сергѣевскимъ (Право 1903 г., стр. 2921, 2923), находившимъ, что возникновеніе бродяжества слѣдуетъ ставить въ связь не съ крѣпостнымъ правомъ, а съ ссылкой, мы позволяемъ себѣ остаться при ранѣе высказанномъ нами мнѣніи и продолжаемъ думать, что первоначальныя мѣры противъ бродягъ были рассчитаны именно на бѣглыхъ крѣпостныхъ (см. выше, стр. 3—6, а также нашу статью о бродяжествѣ въ Словарѣ юрид. и госуд. наукъ, т. I, стр. 1267—1269). Ни въ XVII ни въ XVIII вѣкѣ процентъ бродягъ изъ ссыльныхъ не могъ быть значительнымъ, такъ какъ бѣглецы ссыльные въ то время были въ большинствѣ случаевъ люди „прямѣтныя“, „до вѣку признатые“—съ отрѣзанными ушами, вырѣзанными ноздрями, съ клеймами на лицѣ или спинѣ. Да и возможно ли допустить, чтобы законодатель ограничился по отношенію къ бродягамъ тѣми снисходительными мѣрами борьбы, которыя мы встрѣчаемъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, если бы онъ видѣлъ въ нихъ бѣглыхъ изъ Сибири, для прикрѣпленія которыхъ къ мѣсту имъ принимались совершенно иные мѣры. Такъ, напр., указомъ 1698 года было повелѣно клеймить городовыми клеймами, по образцамъ, посланнымъ изъ Москвы особо для каждого города, всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ, „буде которые за работу не

теченіемъ времени положеніе вещей измѣнилось; среди факторовъ бродячества все большее и большее значеніе начинаетъ получать ссылка. Карательныя мѣры противъ бродягъ усиливаются; законодателью приходится считаться съ тѣмъ, что составъ бродягъ ухудшился, что въ бродячество стали проникать весьма и весьма опасные элементы. Наступаютъ реформы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ — отмѣна крѣпостнаго права, рекрутской повинности; одновременно производится отмѣна клейменія. Составъ бродягъ совершенно мѣняется. Подъ маскою, носившейся раньше людьми, проступки которыхъ были относительно ничтожны, появляются наиболѣе смѣлые и упорные враги общественнаго порядка. Уменьшившись количественно, контингентъ бродягъ дѣлается чрезвычайно грознымъ для общественнаго спокойствія; снисходительному отношенію къ бродягъ стараго права не остается мѣста; современный законодатель, чтобы не разойтись съ жизнью, вынужденъ видѣть въ бродягъ скрывающагося преступника. Пройдутъ новые десятки лѣтъ, и будутъ осуществлены тѣ реформы, о которыхъ говорятъ В. Д. Набоковъ и И. Я. Фойницкій. Блестящее состояніе государственныхъ финансовъ дастъ возможность организовать самымъ совершеннѣйшимъ образомъ сыскную часть и судебную полицію; государство покроется сѣтью антропометрическихъ станцій; каждый подсудимый будетъ фотографироваться и измѣряться; доступъ въ бродячество осужденнымъ преступникамъ будетъ совершенно прегражденъ. Могутъ ли быть какія либо сомнѣнія относительно того, что на репрессіи бродячества реформы эти отразятся самымъ радикальнѣйшимъ образомъ? Уйдутъ изъ бродячества опасные элементы — проступокъ этотъ, очевидно, долженъ будетъ утратить свое значеніе; трудно сказать сейчасъ, прекратитъ ли онъ совершенно свое существованіе, будетъ ли вычеркнутъ изъ уголовного кодекса, но во всякомъ случаѣ имѣются полныя основанія предполагать, что онъ перестанетъ считаться тогда преступленіемъ тяжкимъ. Умѣстно, однако, напомнить при этомъ, что подобное же предсказаніе 25 лѣтъ назадъ было сдѣлано покойнымъ Н. А. Неклюдовымъ, рассчитывавшимъ, что очищеніе бродячества отъ опасныхъ элементовъ явится результатомъ

примутся, или пойдутъ за какимъ воровствомъ и учнутъ свою братью обижать и унижаться, или свои статки и заводы пропивать“. Запятнанный городовымъ клеймомъ за всякое воровство, а равно за удаленіе изъ мѣста ссылки въ иной городъ или въ слободы безъ воеводскаго отпуска, подлежалъ смертной казни. Ср. Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 1857 г., стр. 251—252

освободительныхъ реформъ¹⁾. Дѣйствительность представила совершенно обратное; въ послѣднюю четверть XIX вѣка опасность бродячества шла crescendo.

Поставленіемъ лицъ, совершившихъ преступленія, въ невозможность уклоняться отъ суда и наказанія законамъ о розыскѣ преступленій былъ бы приданъ характеръ *lex perfecta*. Въ настоящее время дѣло стоитъ далеко не такъ: значительная часть преступниковъ съ успѣхомъ укрывается отъ уголовного преслѣдованія; тѣ, которые были судимы и осуждены, нерѣдко бѣгутъ изъ тюрьмы и ссылки. Объясняется это, конечно, различными недостатками въ организаціи розыска, слабостью судебно-слѣдственныхъ силъ государства, неудовлетворительнымъ состояніемъ тюремныхъ учрежденій и поселеній ссылныхъ и, въ особенности, недостаточностью тюремнаго надзора и администраціи, малыми размѣрами денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть обращены на реформы, необходимыя для устраненія указанныхъ недостатковъ, безъ ущерба для другихъ потребностей государства, болѣе неотложныхъ. Мѣрами, принимаемыми противъ бродягъ, законодатель оказывается въ состояніи нѣсколько понизить процентъ лицъ, укрывающихся отъ дѣйствія уголовного закона; благодаря этимъ мѣрамъ нѣкоторыхъ преступниковъ ему дается вновь водворить въ тюрьму, хотя-бы и въ болѣе привилегированномъ положеніи бродяги, по отношенію къ другимъ указанныя мѣры являются актами психическаго принужденія, побуждающими преступниковъ открыть свое имя и званіе, явиться съ повинной головою въ залу суда. Проф. Фойницкій протестуетъ противъ подобнаго образа дѣйствій и, повидимому, находитъ, что всѣ тѣ выгоды, которыя можетъ извлечь преступникъ изъ несовершенства способовъ, примѣняемыхъ государствомъ для раскрытія преступленій, должны по праву принадлежать ему. При всемъ уваженіи къ авторитету почтеннаго профессора, мы совершенно отказываемся представить себѣ возможность того, чтобы какое-либо государство рѣшилось когда либо проводить подобный взглядъ. По крайней мѣрѣ, исторія даетъ намъ примѣры только противнаго. Мы видимъ, что государства, бѣдныя судебно-слѣдственными силами, караютъ лицъ, причастныхъ къ преступленію, на основаніи одного подозрѣнія, иногда совершенно невиновныхъ, но мы не знаемъ государствъ, которыя бы слагали оружіе въ борьбѣ съ преступникомъ за отсутствіемъ для уличенія его достаточно совершенныхъ пріемовъ²⁾. Да и чѣмъ опредѣляется совер-

¹⁾ Неклюдовъ, *ibidem*, стр. 542—543; ср. Муравьевъ, *ibidem*, стр. 106.

²⁾ „Государство можетъ терпѣть безнаказанность преступныхъ дѣяній—гово-

шенство приема? Институты групповой ответственности, легальных презумпцій, которыми пользовалось старое право, для нашего времени представляются, разумѣется, анахронизмомъ. Но кто поручится, что примѣняемые нынѣ способы установленія вины преступника, не вызывающіе ни у кого сомнѣнія въ ихъ правильности, не явятся такимъ же анахронизмомъ по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ? Отличной иллюстраціей къ сказанному могутъ послужить модныя въ настоящее время изслѣдованія по психологій свидѣтельскихъ показаній. Прогрессившіе на всю Европу опыты Бинэ, Штерна, Листа, Врешнера и др. доказываютъ весьма убѣдительно, что показанія самаго добросовѣстнаго свидѣтеля-очевидца далеко не являются фотографическимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности; пятую часть видѣннаго имъ свидѣтель забываетъ, то, что представляется въ его глазахъ истиной, заключаетъ въ себѣ 10—15% ошибокъ. При этихъ условіяхъ свидѣтельскія показанія, очевидно, никто не признаетъ доказательствомъ совершеннымъ. Слѣдуя по пути, указываемому проф. Фойницкимъ, надлежало бы тотчасъ же устранить ихъ изъ уголовного процесса, предоставивъ преступнику пользоваться всѣми выгодами положенія, которое явится результатомъ уничтоженія одного изъ главныхъ видовъ доказательствъ, недостаточно точнаго, безъ замѣны его другимъ, болѣе точнымъ. Ни одинъ законодатель, однако, такъ не поступитъ. Хорошо сознавая, что самое прогрессивное законодательство должно неизбѣжно отставать отъ науки, законодатель выйдетъ благоразумно того момента, когда наука выработаетъ что либо въ родѣ коэффициента достовѣрности свидѣтельскаго показанія (если это когда либо случится), и тогда, пользуясь добытыми ею положеніями, постарается выразить эти положенія въ болѣе или менѣе точныхъ правилахъ, которыя и преподаетъ въ руководство суду. До того же времени судъ будетъ оцѣнивать свидѣтельскія показанія такъ, какъ онъ дѣлаетъ это въ настоящее время, т. е. заимствуя критерій оцѣнки исключительно изъ данныхъ житейскаго опыта, далеко неодинаковаго у разныхъ судей. Несмотря на все не-

рять проф. Сергѣевскій, лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ; государство не можетъ допустить, чтобъ преступныя дѣянія, въ немъ совершающіяся, вовсе не наказывались или въ большей части случаевъ не наказывались. Положимъ, идеальное отправленіе уголовного правосудія, при которомъ ни одно преступное дѣяніе не остается безъ наказанія, недостижимо; но государство всегда къ нему стремится и терпѣть въ большихъ размѣрахъ безнаказанности безусловно не можетъ, такъ какъ это значило бы лишитъ авторитета государственные законы и подвергнуть весь государственный строй разложенію“. Наказаніе въ XVII вѣкѣ, стр. 38 и слѣд.; ср. *его же*, Русское уголовное право, изд. 5 (1904 г.), стр. 101—102.

совершенство этого приёма, дѣлающаго возможными,—болѣе того—неизбѣжными, судебныя ошибки, съ приёмомъ этимъ приходится мириться. Точно такъ же приходится мириться съ тѣмъ, что государство, не имѣющее возможности примѣнить рекомендуемыхъ наукой усовершенствованныхъ способовъ къ воспрепятствованію преступнику уклоняться отъ отбытія наказанія, оказывается вынужденнымъ стремиться къ достиженію этого съ помощью приёмовъ менѣе совершенныхъ. На это намъ могутъ возразить, что проводимая нами параллель не точна, что для оцѣнки и провѣрки свидѣтельскихъ показаній наукой еще не выработаны совершенные приемы, между тѣмъ какъ для установленія тождества личности преступника въ наукѣ уже имѣются средства, результаты которыхъ не оставляютъ ничего болѣе желать, но что пользы отъ этихъ средствъ, коль скоро, по тѣмъ или другимъ причинамъ, рекомендуемую наукой систему государство въ данный моментъ не въ состояніи практически осуществить. А между тѣмъ именно въ такомъ положеніи находится въ настоящее время вопросъ о повсемѣстномъ устройствѣ у насъ антропометрическихъ станцій для измѣренія осужденныхъ преступниковъ, подсѣдственныхъ арестантовъ и нѣкоторыхъ категорій задерживаемыхъ полиціей подозрительныхъ лицъ. Необходимость въ такихъ станціяхъ правительствомъ давно признана, первые шаги оказались удачными, и тѣмъ не менѣе вопросъ о примѣненіи къ преступникамъ антропометрической системы въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, сколько намъ извѣстно, до сего времени даже и не возбуждался подлежащими вѣдомствами, по весьма понятнымъ каждому причинамъ ¹⁾. Антропометрическая система въ примѣненіи къ преступникамъ требуетъ денегъ и большихъ денегъ. Къ скорѣйшему введенію ея крайне важно стремиться, но все же нельзя не считаться съ тѣмъ, что потребность государства въ антропометрическихъ станціяхъ не можетъ быть признана одинаково настоятельной съ потребностью, напр., въ народныхъ школахъ, а какъ далеко до того времени, когда послѣдняя потребность будетъ сколько нибудь удовлетворена. Даже, съ точки зрѣнія болѣе узкихъ интересовъ тюремнаго вѣдомства, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе важно добиваться скорѣйшаго отпуска денегъ на улучшеніе тюремнаго персонала, на устройство исправительныхъ пріютовъ, которые бы прекратили дальнѣйшую фабрикацію за государственный счетъ преступниковъ изъ поступающихъ въ тюрьмы дѣтей и подростковъ, чѣмъ настаивать на обязательномъ введеніи въ тюрьмахъ системы антропометрическихъ записей. Послѣдняя принесетъ,

¹⁾ См. Тюремный Вѣстникъ 1893 г., кн. 3, стр. 105—106.

несомнѣнно, огромную пользу, но все же едва ли дать государству тѣ выгоды, какія обѣщаютъ ему широкое распространѣніе въ народѣ грамотности или хотя бы огражденіе подросткающаго поколѣнія отъ растлѣвающаго вліянія тюрьмы. Невозможность надѣяться на повсемѣстное устройство въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ антропометрическихъ станцій для измѣренія преступниковъ всѣхъ категорій не должна, однако, служить препятствіемъ къ введенію этой системы по частямъ. Противъ „смѣнокъ“ арестантовъ, такъ называемыхъ „свадебъ“, правительство должно принимать мѣры, лучшею же мѣрою борьбы со „свадьбами“ явится, разумѣется, измѣреніе хотя наиболѣе важныхъ преступниковъ, тѣхъ преступниковъ, по крайней мѣрѣ, которые отправляются въ Сибирь и на островъ Сахалинъ ¹⁾ Не входя въ настоящее время въ обсужденіе вопроса о томъ, какимъ образомъ могли бы быть организованы эти измѣренія, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что примѣненіе системы антропометріи къ преступникамъ, слѣдующимъ на островъ Сахалинъ, и ссыльно-каторжнымъ, проходящимъ чрезъ Московскую пересыльную тюрьму, не должно представить, казалось бы, особыхъ затрудненій. Для ссыльныхъ, не попадающихъ въ Москву, антропометрическія станціи могли бы быть устроены въ Челябинскѣ и Иркутскѣ. На каждой каторгѣ должны находиться, разумѣется, повѣрочныя антропометрическія станціи. Бюро для храненія записей и выдачи справокъ могли бы были быть организованы въ Петербургѣ, Иркутскѣ и въ посту Александровскомъ, изъ которыхъ первое должно бы было явиться центральнымъ, второе—обслуживающимъ нужды Сибири, а послѣднее—исключительно для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ острова Сахалина. Осуществленіемъ проектируемыхъ мѣръ современному русскому бродячеству было бы нанесено рѣшительное пораженіе. „Свадьбы“ каторжныхъ должны бы были прекратиться. Начальнику каторжной тюрьмы не приходилось бы вѣрить арестанту на слово, что онъ тотъ, чьей фамиліей себя называетъ ²⁾. Исчезла бы необходимость въ безцѣльной,

¹⁾ См. описаніе „свадебъ“ у Дорошевича, *ibidem*, ч. I, стр. 301—306

²⁾ По словамъ г. Новомбергскаго, на Сахалинѣ статейные списки хранятся не въ тюрьмахъ, а въ окружныхъ канцеляріяхъ. „Начальникъ какой нибудь Дуйской тюрьмы долженъ вѣрить арестанту, что онъ именно тотъ чьей фамиліей онъ самъ называется, долженъ вѣрить и въ томъ случаѣ, когда арестантъ изъ окружной канцеляріи приноситъ квитанцію объ окончаніи имъ работъ. Эти квитанціи въ канцеляріяхъ покупаются по дешевой цѣнѣ, но оказываютъ большія услуги: проходятъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ откроется обманъ, а преступникъ успѣваетъ уже перебраться на законномъ основаніи на материкъ“. *Ibidem*, стр. 117—118.

представляющей одно глумленіе надъ правосудіемъ, процедуръ „уличекъ“. Инциденты съ „Блохами“, „Пройди-Свѣтами“, „Агафьями Золотыхъ“ должны были бы отойти въ область преданій ¹⁾). Восполненіемъ антропометрической системы ни въ какой мѣрѣ не служатъ ни статейные списки, ни фотографическія карточки ²⁾). Статейные списки состояются обыкновенно такимъ образомъ, что они не улавливаютъ никакихъ примѣтъ, фотографическія же карточки, въ качествѣ общаго правила, снимаются провинціальными фотографами настолько плохо, что, по вѣрному замѣчанію г. Новомбергскаго, „если бы по однимъ карточкамъ пришлось судить о самой личности каторжныхъ, то, вѣроятно, были бы забракованы все рѣшительно фотографіи“ ³⁾). Во всякомъ случаѣ для опредѣленія личности бродягъ ни статейные списки, ни фотографическія карточки преступниковъ, до какой бы высокой степени совершенства они ни были доведены, никоимъ образомъ не могутъ оказаться пригодными. По провѣркѣ тождества доставленнаго арестанта удѣлъ статейныхъ списковъ съ приклеенными или припнурованными къ нимъ фотографіями—лежатъ въ шкафу ⁴⁾). Обнаружить incognito бродяги можетъ только Бертильоновская система.

Разсмотрѣнные нами до сего времени возраженія противъ постановки бродяжества въ дѣйствующемъ правѣ носили характеръ совер-

¹⁾ „Бродяга „Иванъ Пройди-Свѣтъ“,—говоритъ г. Дорошевичъ,—является знаменитостью по части смѣлокъ; личность эта стала какой то мифической. „Въ теченіе трехъ дѣтъ на пароходѣ доставлялся для отправки на Сахалинъ „бродяга Иванъ Пройди-Свѣтъ“,—и каждый разъ передъ отходомъ парохода получалась телеграмма: «вернуть бродягу, доставленнаго подъ именемъ „Ивана Пройди-Свѣтъ“, потому-что это не настоящій». Кто же этотъ „Иванъ Пройди-Свѣтъ“, гдѣ онъ—такъ и остается неизвѣстнымъ“. Ibidem, ч. I, стр. 306.—Относительно „Агафьи Золотыхъ“ см. ibidem, стр. 306.

²⁾ Согласно дѣйствующимъ распоряженіямъ, ссыльнокаторжные и бродяги подлежатъ обязательному фотографированію. Фотографическія карточки ихъ припнуровываются къ статейнымъ спискамъ, о чемъ на спискѣ дѣлается отмѣтка (цирк. Гл. Тѣр. Упр. 6 Ноября 1891 г., № 6 и 3 Юля 1893 г., № 9; цирк. Мин. Юст. 23 Марта 1894 г., № 9496). По слухамъ мѣру эту предполагается распространить на всехъ ссыльныхъ.

³⁾ „Статейный списокъ никого не удерживаетъ отъ побѣга, потому-что рѣдкій списокъ хотя бы приблизительно улавливаетъ примѣты того, на кого онъ составленъ. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы убѣдились, что въ спискѣ отмѣчается бородавка на носу, и не показываются приросшіе рубцы на ногахъ, уродливости пальцевъ и т. д., или описывается цвѣтъ волосъ, а ростъ обозначается на нѣсколько вершковъ неправильно въ ту или другую сторону“. Новомбергскій, ibidem, стр. 118.

⁴⁾ Ср. Дорошевичъ, ibidem, ч. I, стр. 306.

шенно принципиальный, колебали понятие бродяжества въ его основахъ. Менѣе принципиальными представляются остальные аргументы сторонниковъ противнаго мнѣнія, заключающіеся въ указаніяхъ на нецѣлесообразность взысканій, налагаемыхъ за бродяжество дѣйствующими законами, на несоотвѣтствіе задачамъ судебной дѣятельности рассмотрѣнія дѣлъ о бродягахъ на судѣ. Аргументы эти требуютъ подробнаго разбора, которому удѣлить свое время въ данный моментъ мы совершенно лишены возможности. Въ ближайшемъ будущемъ мы рассчитываемъ вернуться къ этому вопросу и надѣемся доказать, что для системы взысканій за бродяжество дѣйствующаго права аргументы эти далеко не такъ страшны, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ ¹⁾.

¹⁾ По поводу нашего указанія (стр. 1) на ошибку, допущенную въ статьѣ г. Якоби „Наше законодательство о бродяжничествѣ“, намъ доставлено письмо г. Якоби, въ которомъ послѣдній, въ видахъ возстановленія истины, проситъ разъяснить, что, хотя упрекъ, обращенный къ нему, по существу болѣе, чѣмъ справедливъ, но онъ направленъ не по надлежащему адресу, такъ какъ отвѣтственность за происшедшую ошибку должна всецѣло пасть на редактора. Изъ письма видно, что статья г. Якоби была доставлена бывшему редактору „Вѣстника Права“ г. Сліозбергу въ 1902 году, когда новое уголовное уложеніе еще не было обнародовано, причемъ въ рукописи дѣйствующее законодательство о бродяжествѣ сравнивалось не съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, а съ его *проектомъ*. Въ печатномъ текстѣ слово „проектъ“ оказалось замѣненнымъ вездѣ словами „новое уголовное уложеніе, безъ предувѣдомленія о томъ г. Якоби, не смотря на выраженное имъ желаніе лично корректровать свою статью.